



Анна Богданова

ЁЖИНЬКА

Анна Анатольевна Богданова

Ёжинька

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74669761

Ёжинька : добрые истории для семейного чтения / А. Богданова:

Четыре; СПб; 2026

ISBN 978-5-908165-31-0

Аннотация

Это милые жизненные истории, о которые можно погреться душой. От них веет теплом и добром. Они проникают в самое сердце, дарят моменты покоя, приносят тихое счастье и свет в привычное существование, помогают увидеть прекрасное в простом, пережить тёмные дни.

Содержание

Ёжинька	5
Апельсиновая долька для домового	21
Закат	31
Мудрости тётушки Манон	35
Не уследили	59
Нет худа без добра	64
Конец ознакомительного фрагмента.	87



Анна Богданова
Ёжинька

© А. Богданова, текст, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

Ёжинька

Ёжинька был уверен: все созданы для кого-то, каждый кому-то нужен. А он, Ёжинька, нужен этому миру больше всех на свете. Ведь не просто же так его спасли от неминуемой смерти. Правда, ввиду тогдашнего крайне удручающего состояния здоровья Ёжинька крайне смутно помнил все обстоятельства реанимации. Он вернулся с того света, а вернее, из тьмы, когда кто-то лишённым всякой деликатности движением распахнул ему рот и принялся вливать туда прохладную живительную влагу – то единственное, чего в тот смертоносно-знойный июньский день ему катастрофически не хватало. Наполнение его обезвоженного тельца драгоценным колодезным бальзамом сопровождалось словами: «Не вздумай тут умирать, божья игольница. В моём доме это не принято».

Если мир, на который ты рассчитывала, оказался ненадёжным, просто делай то, что можешь. Не взвешивая свои возможности, не обдумывая последствия. Таков был способ сохранения рассудка и сердечного покоя Эммы, добропорядочной старой девы в годах. Других вариантов она не знала. Мир подсунул к её стопам сорок второго размера умирающего от жажды ёжика, она дала ему воды – вот и вся арифметика. Ни радости, ни гордости собой Эмма не испытала. Одно лишь изумление от того, что тот выжил.

– Что бы ни дал Бог, всё благословение и благополучие, – сказала она и полезла на чердак за коробкой.

* * *

С тех пор Ёжинька жил в настоящем человеческом доме, хозяйка которого до странности любила свет. С утра до вечера проникающие через ничем не замутнённые окошки солнечные лучи озаряли уютную комнатку и маленькую кухню, пропахшую мятными травами, наполняя покоем и затаённой радостью саму Эмму. Вечернее же освещение бытия и душевное равновесие женщины обеспечивали подвесные светильники, бра и настольные лампы, выдержанные в нежном стиле прованс. Золотой небесный шар ещё только готовился коснуться крон далёких деревьев, а внутри дома уже зажигались все имеющиеся источники света, в том числе старинный ретрофонарь над крыльцом, украшенный растительным орнаментом. Кажется, Эмма сама уже должна была начать лучиться как морская голотурия. Но удивительно высокая, с прямой спиной женщина в своих длинных тёмных платьях, со старомодным накрахмаленным чепцом на голове и скорбью в круглых светло-голубых глазах выглядела тускло и безлико. В отличие от своей старшей сестры Изольды.

Та прилетала в батистовых платочках, шёлковых блузках, рюшах, габардиновых юбках и кружевных перчатках, словно беспечный яркий мотылёк. Украшала собой, своим ще-

бетанием, смехом, коробками с малиновым зефиром и абрикосовой пастилой ручной работы третью пятницу каждого месяца. Обаятельная невысокая старушка с лазурными кудряшками, в увесистых жемчугах, с десятком тюбиков разноцветных помад в бархатном ридикюле. Удивляющая неизменно хорошим настроением, отсутствием всяческих сожалений. Оставляющая повсюду, куда ни ступи, густой шлейф, сотканный из ароматов чёрной смородины и терпкой зелени.

Вечером мотылёк долго крутился возле помутневшего от времени зеркала в резной деревянной раме, пытался усмирить свои небесные кудряшки, рисовал на лице розовые губы и щёки. Непременно поднимался на носочки, чтобы тепло обнять огромную угрюмую родственницу, которая так и норовила уклониться от навязанного ритуала, и улетал до следующей визитной пятницы.

Именно Изольда стала звать спасённого Эммой ёжика Ёжинькой. Он был обезоружен её женским вниманием и сражён добротой, посему позволял ей брать себя в ухоженные, пахнущие миндальным мылом ручки, чесать наманикюренными пальчиками тёплое пузико и чмокать свою довольную шерстяную мордочку. Его суровая хозяйка себе такого не позволяла.

Проводив Изольду, Эмма включала весь свет в доме, кипятила самовар, пила чай из блюдечка с ванильным сухариком или грушевыми подушечками. Зефир и пастилу не признавала, считала баловством, пустой тратой денег и на сле-

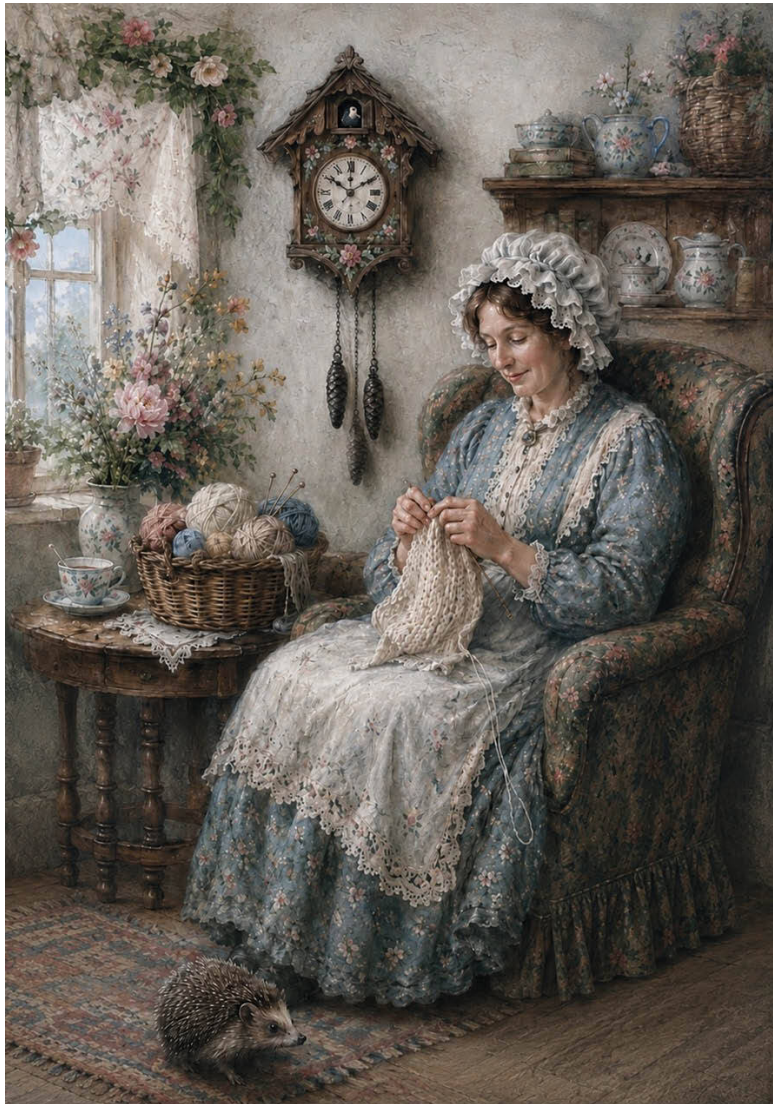
дующий день уносила многодетному мяснику Адаму.

Перед сном она отключала большой свет, но оставляла гореть настенные бра.

Эмма до болезненности не переносила тьму. Говорила, что та нагоняет на неё щемящее чувство одиночества и анафемскую депрессию. «При чём тут одиночество, – думал Ёжинька, – ведь у неё есть я? Нас двое».

И стоило кукушке в часах прокуковать шесть раз, а краскам дня начать бледнеть, как он принимался напоминать хозяйке о том, что она не одна, то есть о себе.

Ёжинька просыпался в пропахшей рождественскими мандаринами картонной коробке, на подстилке из старой, проношенной до дыр шерстяной кофте свекольного цвета, и несколько минут думал о том, что раньше, живя под трухлявой корягой, он жил не там, где нужно, зато теперь как раз там. Довольный своим философским умозаключением, он выбирался наружу. Громко чихал, звучно лакал из мисочки свежую водичку и, шумно сопя и фыркая, подкреплялся чем Бог послал. Обычно Он присылал кружочек морковки или кабачка, кусочек постного мяса или куриное сердечко. Довольствуясь непосланными благами, Ёжинька неизменно восхищался тем, что у Него, в отличие от Эммы, на всех хватает времени и денег на продукты. Для каждой травинки, цветка, дерева, для всякого живого и неживого.



В этом случае хозяйка дома была полностью солидарна с Ёжинькой. Не проходило и часа, чтобы она не прославляла этого заботливого человека, восклицая: «О Господи!»

Дальше в зависимости от ситуации следовали либо вопросы, либо жалобы, либо упрёки, либо просьбы дать совет. Иногда, по мнению Ёжиньки, она заходила слишком далеко, обвиняя Его в отсутствии присмотра за ней самой:

– Где ты был, Господи, когда я несла эту игольницу под свою крышу?!

Видимо, обращений было так много, что Он не успевал отвечать на все лично. Время от времени приходили Его адвокаты в начищенных до блеска ботинках, чёрных костюмах и галстуках, настырно стучали в двери и предлагали за неограниченное вознаграждение ответить на любые вопросы касательно Бога.

– Доброе утро! – счастливыми голосами восклицали адвокаты.

– Какое же оно доброе? Сколько раз вам говорить: я не покупаю веру за деньги! Идите прочь от моего дома! – возмущённо вопила Эмма.

«Наверное, тот, кто нужен, частенько не такой, какой нужен», – думал при этом Ёжинька.

Чем темнее становилось снаружи, тем громче и активнее Ёжинька старался напоминать о себе: лихорадочно носился по дому, топал, пыхтел и цокал. Пытался вскрыть полы, гремел пустыми мисками и блюдами. Исследовал каждый уголок, внутренности тёмных шкафов, огромных резиновых калош и туфель в поисках более укромного местечка, чем коробка. Находил и натаскивал туда всё, что под руку попадалось. Одним словом, всячески создавал видимость течения жизни вдвоём.

Однажды, не выдержав шумовой атаки, Эмма отправила Ёжиньку на всю ночь в огород, питая тайную надежду на то, что он сбежит. Наутро обнаружила его счастливым среди безжалостно объединенных кустиков сортовой земляники, обозвала необузданным вандалом и больше не выпускала. В тот же день сходила в аптеку и купила беруши.

Ёжиньку, убрав всё нужное на верхние полки, стала водворять на ночь в кладовую, предоставив свободу действий среди ветхих корзин, пустых вёдер и прохудившихся кастрюль. Вспыхнувшая в душе его в ответ на заточение обида после первой же пойманной и с аппетитом съеденной высококалорийной мыши вскоре трансформировалась в довольство. Бонусом к довольству прилагались здоровенные, упитанные пауки.

Экспансивное поведение спасёныша хозяйка дома принимала с глубоким непониманием. Многолетнее покойно-предсказуемое течение жизни было нарушено два месяца назад, а она всё не могла к этому привыкнуть и оценить по достоинству.

Вечером, готовясь ко сну, Эмма надевала длинную, до пола, ночную кружевную рубашку – единственную романтическую вещь в её скромном гардеробе, – усаживалась в глубокое кресло, долго втирала в свои сухие руки розовую сыворотку и, глядя на бурную деятельность Ёжиньки, ворчала.

– В наказание за какие грехи ты мне послан, шкодник лопоухий, а? Я желаю тишины и порядка в своём доме, – говорила она. – Желаю нормальной жизни и полноценного сна. Ты сведёшь меня в могилу раньше времени, кактус длинноносый. Тебе должно быть стыдно за это.

Ёжиньке не становилось стыдно. Он твёрдо верил, что был послан этой женщине не в наказание, а как награда. Как спасение от анафемской депрессии, которой хозяйка так боялась. «Почему она не может понять простоты моих замыслов и пользы поведения? – задавался вопросом Ёжинька. – Ей нужно радоваться моему присутствию и тем заботам, которыми я её обеспечиваю. Возможно, когда-нибудь она захочет изменить своё мнение и полюбит меня. Выплеснет скоп-

ленную в душе нежность, искупает в ласке. Но, видимо, скорее с неба западают лягушки, чем это случится. Кажется, от милосердия и симпатии ко мне в ближайшее время она не устанет».

Чувство собственной ненужности охватывало Ёжиньку. «Чтобы избавиться от неприятных мыслей, нужно что-то делать», – думал он. И принимался бегать вокруг кресла с Эммой сломя голову, выпуская избыток негативных чувств.

– Вот же окаянное создание! – сетовала женщина. – А ну-ка марш в кладовку!

* * *

Помимо воспитания Ёжиньки, у Эммы было полно других дел. Наведя с утра в доме порядок, она уходила в лавку за продуктами, покупала творог, хлеб, крупу. Пару раз в неделю навещалась к мяснику Адаму, просила взвесить пригоршню куриных сердечек посвежее или кусочек говядины помягче и завернуть непременно в пергамент.

– Мясо не любит целлофан, – говорила Эмма, расплачиваясь за покупку.

Дома, доставая из сумки свёрток, она косилась на коробку со спящим ежом и бубнила:

– Одни расходы с тобой, игольница. Но Бог милостив.

Приготовив обед, Эмма шла в огород и возилась там порой до вечера. Подстригала, полола, рыхлила, поливала, ру-

галась с живой через забор соседкой Офелией. Темой скандала всегда был потерявший всякую совесть кот Офелии, который периодически оставлял на грядках Эммы дурно пахнущие сюрпризы.

– Я, конечно, проведу с ним воспитательную беседу, будьте уверены, – оправдывалась соседка, заливаясь краской, – но примите во внимание и то, что Корнелиус приносит на моё крыльцо ваших землероек.

– Не помню, чтобы я его об этом просила!

– Это добровольный акт.

– Скорее террористический. Он заминировал мой сельдерей!

Сам Корнелиус в это время крепко спал в тенёчке под яблоней. Сон его был безмятежен, сновидения приятны, а совесть чиста. Воспитательных бесед он не боялся, так как во время данной церемонии был вечно зацелован от усов до хвоста.

* * *

Однажды сентябрьским вечером, возжелав чашечку горячего чая с уважаемым падевым мёдом, Эмма отправилась на кухню, но споткнулась о нектати подвернувшегося под ноги Ёжиньку и упала. Дом вздрогнул. Со стены свалились часы с кукушкой. Эмма ойкнула от боли в левой коленке и несколько секунд вспоминала, как нужно дышать.

– Чтобы понять, где расставлены капканы, нужно в них угодить, – простонала женщина, с трудом принимая вертикальное положение.

Когда кажется, что всё вокруг плохо, любая мелочь может стать последней каплей, оправданным поводом для кардинальных решений. Разбитая коленка и упавшие часы оказались разрушительным наводнением, сметающим остатки терпения и добропорядочности Эммы. Всю ночь она баюкала и ублажала примочками травмированную конечность, а едва рассвело, завернула Ёжиньку в байковое одеяльце и, прихрамывая, отправилась в лес.

«Какое бесцеремонное вторжение в мою личную жизнь и какое возмутительно легкомысленное пренебрежение к моему режиму дня, – думал спелёнатый Ёжинька. – В это время суток после сытной трудовой ночи я должен предаваться сладкому здоровому сну. Куда меня несут? Я ничего не вижу!»

Спустя какое-то время одеяльце распахнулось, а задремавший Ёжинька, словно какая-то неодушевлённая вещь, был вытряхнут в высокую траву. Вокруг, куда ни посмотри, тянулись к небу огромные деревья.

– Извини, но я должна это сделать, пока не умерла, – сказала Эмма. – Если не избавлюсь от тебя сейчас, то, чует моё сердце, не доживу и до конца месяца, а то и недели. Тебе здесь будет хорошо. Тут каждая соринка – витаминка. Грибов засушишь, травы накопишь, перезимуешь в какой-ни-

будь берложке. Прощай, игольница.

«Видимо, тот, кто такой, как нужен, зачастую совсем не нужен», – думал опешивший Ёжинька, глядя на то, как уходит прочь когда-то спасшая его от верной смерти... мама, милая мама...

* * *

Эмма вернулась домой одна. Её встретили гробовая тишина и старая кофта свекольного цвета, служившая подстилкой. Она зацепилась за иголки Ёжиньки, словно за жизнь, когда Эмма доставала его из коробки, а теперь распласталась на полу с раскинутыми в разные стороны рукавами, словно разбитая горем.

Женщина заперла дверь на засов, подняла горящую кофту, легла на диван и, измученная бессонной ночью и пешей прогулкой, мгновенно уснула.

* * *

Проснулась в три пополудни. Солнце светило в окно, наполняло уютom комнату, рисовало жёлтые пятна на полу, на пустой коробке, на стене, на приколотом к ней булавкой старом чёрно-белом снимке девочки лет двенадцати. В платье с белым воротничком, с лентами в тощих косичках, с веснуш-

ками, с улыбкой на губах, с глазами, лучившимися неподдельным счастьем.

«Я помню это платье, – подумала Эмма. – Оно было голубого цвета, а ленты – розовые. Когда всё пошло наперекосяк в судьбе этой девочки? – мысленно спросила она себя, разглядывая фото. – Когда она... Когда я перестала радоваться жизни? Замечать приятные мелочи, забавные случаи. Когда прекратила получать удовольствие от прогулок, от готовки, от общения с сестрой? Когда исчерпала свою способность сопереживать, сострадать и любить? Девочка со снимка, добрая и нелепая, это умела. Потом повзрослела и разучилась. А ещё говорят, каков человек в колыбельке, таков и в могилке. Неправда. Мы меняемся. Сбиваемся с пути. Позволяем угасать своим чувствам. Прячем мечты и желания в угоду обстоятельствам и от этого черствеем душой. Бог даёт нам одно лицо, а мы делаем себе другое».

Солнце вдруг скрылось за облако, будто больше не желало освещать этот дом. Эмму охватило чувство стыда и гадливости к самой себе. «Что в моей жизни было хорошего? – думала она. – За последние несколько лет – только спасение Ёжиньки. А сегодня это единственное хорошее я взяла и уничтожила. Выбросила того, кто мне верил и не ждал такого предательства».

Эмма не замечала того, что ёж скрашивает её дни, наполняет смыслом существование, даёт повод позаботиться о ком-то, кроме себя, и почувствовать сердцем давно забытую

нежность. Никогда бы не подумала, что будет испытывать тёплые чувства не к кошке и не к собаке, а к ёжику. Оказалось, он был ей нужен. Так нужен, что сейчас, когда лишилась своей «игольницы», ей стало больно дышать. Пока не потеряешь, ничего про себя как следует никогда не поймёшь. Эмма считала его обузой, а он оказался подарком, вмешательством свыше. Господь лучше знал, чего ей не хватало. Что ей будет полезно, хорошо и даже целебно. Он видел её всегда и везде, куда бы она ни направлялась и каких бы глупостей ни творила.

«Что я наделала? В кого я превратилась? В тварь бездушную», – подумала Эмма.

Внутри вдруг стало противно и страшно. По щекам показались самые настоящие солёные слёзы. Она уткнулась лицом в то, что всё это время держала в руках: что-то мягкое, знакомо пахнущее, свекольного цвета – и громко разрыдалась.

Потом стало легче, будто внутри растаяла глыба льда и выплеснулась слезами наружу. Освободила место для светлого и доброго.

– Красивыми рассуждениями пастернак не помаслишь, – сказала Эмма, надевая сапоги. – От одних слов пользы мало. Надо действовать, пока не поздно. Пока солнце не село. Надо же, сто лет не ревела, а теперь хорошо-то как! Будто помолилась, а Бог ответил, списал все грехи и пообещал впустить в рай.

* * *

В то время как богатое воображение Эммы, мчащейся по лесу с корзинкой в руке, рисовало всякое ужасное – Ёжинька, умирающий от одиночества, голода, холода, засухи, болезни, жестокого зверя, – сама она умирала от страха не найти его. О коленке уже и думать забыла – нестерпимо болела душа. Беспокойство обжигало сердце. Она вспомнила недавно прочтённую в журнале статью о том, что ёжики не привязываются к человеку, не чувствуют радости и не отзываются на своё имя. Эмма не поверила тогда ни одному слову. Ёжинька её обязательно услышит, узнает голос и найдётся. Потому что между ними любовь. Она поняла это сегодня. Любовь не подчиняется научным трактатам, пренебрегает законами, творит чудеса. Эмма найдёт его с божьей помощью, попросит за всё прощения. Плохое забудется, хорошее впереди.

* * *

Он узнал её голос. Выкатился коlobком под самые ноги. Был орошён слезами радости и бережно усажен в старую корзину, будто на императорский трон. Корзина оказалась ветхой, пыльной, в заплатках и пахла кухонной тряпкой. Но

Ёжиньке в ней было прекрасно и приятно, словно ребёнку в чудесной кондитерской лавке. Лучше быть нужным в красивой корзине, чем брошенной вещью в тёмном лесу.

Высоко над ним мелькали белые облака и кружева из веток деревьев: Эмма, едва касаясь земли, летела домой.

Р. S. Часы ходят. Кукушка безудержно врёт: то отстаёт от времени, то забегает вперёд, но в любом случае обещает долгую и беззаботную жизнь.

Апельсиновая долька для домашнего

В доме тепло и тихо. Лучи утреннего солнца ярко освещают маленькую спальню, бросая на пол жёлтые полосы. Айя только что проснулась. Вспомнила, что начались каникулы, что она в деревне, в гостях у бабушки, и сон как рукой сняло. Айя подходит к окну, привстаёт на носочки, чтобы как следует рассмотреть окружающий мир. А в мире зима. Высокие хрусткие сугробы и кусачий мороз под тридцать. Из труб домишек, одетых в пушистые меха, тянутся в небо белые струйки тёплого дыма, согревают чьи-то заоблачные мечты и тайные надежды. Заиндевелый забор и деревья словно в сахарной глазури так и хочется лизнуть. На старой заснеженной яблоне кормушка с крупой и стая оживлённых пичуг, спешащих насытиться и согреться для того, чтобы выжить. Толстый чёрный кот Касьян наблюдает за птицами с крыльца. Шерсть в инее, словно поседел в одночасье. Лапки поджимает, будто деток баюкает. Замёрз, но в дом не пойдёт, пока хозяйка не вернётся. Звать бесполезно. Хвостом недовольно дёрнет, мявкнет сердито, но с места не сдвинется. Толстячок упрямый.

А вот и бабушка возвращается с покупками. Невысокая, хрупкая, неторопливая, с благородными чертами лица. Во-

площение вселенской доброты, закутанное в большую пуховую шаль. Одного взгляда на неё достаточно, чтобы согреться и поверить в лучшее.

Она заходит в дом, внося холодное облачко морозной свежести и сумку с продуктами. Щёки горят от холода. Закрывает за собой дверь, снимает валенки, шаль и пальто. Помогает коту забраться на тёплую печь – Касьян уже не тот, что пятнадцать лет назад.

– Айя, погляди, что я принесла! – зовёт бабушка. – Целую сумку солнышек! – И выкладывает на стол ещё горячий хлеб, молоко, кулёк кускового сахара и... апельсины! Огромные, ярко-оранжевые, жизнерадостные, пахнувшие праздником.

Айя берёт один, искрящийся рыжим светом, подносит к лицу, вдыхает и не хочет выдыхать.

– Наверное, сладкий?

– Скоро узнаем, – отвечает бабушка. – Но сначала завтрак.

Она достаёт из печи горшок с кашей, пшённую с тыквой. На молоке, со сливочным маслом. Вкусную и полезную. Айю уговаривать нет необходимости, это её любимая каша. Потом чай и оладьи с гречишным мёдом.

Наконец бабушка выбирает самый большой апельсин, нарезает кружочками.

– М-м-м, какой сладкий! – восхищается девочка.

– Вкуснота! – вторит бабушка.

– А кожурка шершавая.

– Кожурку в чай потом заварим.

– Сочный!

– Будто только что с дерева снят.

– Вот бы очутиться в апельсиновом саду и есть их, сколько захочешь! – грезит Айя.

– Пресытишься и возненавидишь. Станешь мечтать о корочке чёрного хлеба с солью. В избытке даже мёд становится горьким.

Бабушка моет посуду и тепло одевается. Она работает почтальоном, и ей пора.

– Приду поздно, – говорит она. – Нужно разнести целую гору новогодних открыток и писем. Лишь бы в сумку всё уместилось.

– Тебе будет тяжело? – сочувствует Айя.

– Совсем нет. Добрую весть нести не в тягость, а в радость. А ты порисуй или книгу почитай.

И опять тишина. Только настенные часы громко отстукивают секунды: тик-так, тик-так. Да кот на печи похрапывает. Сладко пахнет заморским фруктом и хвоей от настоящей ёлки, что стоит в большой комнате у окна, сияя серебристыми сосульками, стеклянными бусами, разноцветными шариками и огоньками гирлянд. Бабушка всегда ставит ёлочку возле окна для того, чтобы это чудо могли увидеть даже те, кто живёт в другом мире.

– Пусть сияет всем на радость и утешение, – приговаривает она, сдвигая в сторону оконную занавеску в мелких букетиках роз. – Пусть кто-то улыбнётся и примет мир в душу.

— А разве тем, кто живёт в другом мире, бывает грустно? — спрашивает Айя.

— Ещё как бывает! Они хоть нынче и живут у Христа за пазухой, но всё же печалятся о том, что больше никогда сюда не вернутся.

— Наш дедушка тоже у Христа за пазухой?

— А где ж ему быть? Хотя до идеального человека при жизни он не дотягивал и вечно сердился на всё подряд, но чёрных дел не творил. Теперь, поди, и на небесах находит к чему придраться: то радуга неяркая, то манна несладкая. Человек что сад, а в каждом саду всегда есть сорняк. Не скажу, чтобы он меня сильно обижал, но всё же теперь, когда его нет рядом, я могу наконец дышать полной грудью. Пыль с прошлого, что ни день скорбя и тоскуя, не стираю. Живу настоящим.

После таких разговоров бабушка ещё какое-то время сидит за столом, подперев голову рукой, погрузившись в себя, уставившись на чайник, и улыбается. Её удивительный внутренний мир, как всегда, служит ей опорой и утешением, затмевая то, что может лишить душевного равновесия.



Оставшись одна, Айя не скучает. В доме полно укромных местечек и вещей, притягивающих к себе внимание семилетней девочки: просторный шкаф с нарядами, в котором можно прятаться, шкатулка с бусами, альбомы со старыми фотографиями, библиотека. И, конечно же, маленькая кладовая! Сокровищница для воображения. Айя, неспешно ступая вдоль полок, уставленных банками с соленьями и вареньями, представляет себя хозяйкой сего богатства. Будто это она сама, часами стоя у плиты в голубом переднике поверх домашнего платья, отгоняя ос и надвинув до бровей платок, чтобы то и дело не утирать пот, всё лето и осень варила кизиловое повидло и клубничный мармелад. А ещё вишнёвый конфитюр, сливовый джем, пастилу, аджику, лечо и ассорти с баклажанами. И будто сама вырастила и наполнила огромные корзины картофелем, тыквами, цукини и свёклой. Айя оглядывает ряды теснящихся банок, испытывая настоящее удовлетворение: её семейству – три куклы, зайчиха в оборчатом сарафане из той же ткани, что занавески на окнах, и бурый плюшевый медведь, – не грозит остаться без сладкого до следующего лета. Но это, конечно, понарошку. А вот зелёный лоскутик, что виднеется из-за ящика с морковкой, – всамделишный. Однако стоит Айе протянуть руку и дотронуться до мягкой фланели, как лоскутик вдруг исчезает. Упорхнул, словно пугливая птишка. Девочка заглядывает за ящик, но там пусто. Чудеса!

– Гном, я тебя видела! – зовёт Айя. – Выходи! Меня Айя зовут. А тебя?

Но в ответ тишина...

К вечеру мороз усилился. Бабушка снова топит печь. Готовит ужин. Заваривает чай с апельсиновой корочкой. Между делом замешивает имбирное тесто, раскатывает его узорной скалкой для печенья, вырезает стаканом лепёшки, посыпает тростниковым сахаром. Айя аккуратно укладывает готовые на большой противень для выпечки.

– Бабушка, в твоей кладовке живёт гном.

– Правда? Ты точно видела? – улыбается бабушка. – Может, это игра воображения? Или твоя тень?

– Я видела кусочек его рубашки и даже дотронулась до неё. Но гном быстро спрятался. Убежал от меня.

– Ты не испугалась, ягодка моя?

– Нет. Нисколечко.

– Может быть, ты видела домового?

– Домового? – воскликнула Айя, забыв про печенье. – У тебя есть домовый?! Настоящий?

– Они есть в каждом доме.

– Они добрые?

– Наш, несомненно, добрый. Я не замечала, чтобы он всякие безобразия чинил.

– А ты его видела?

– Не видела. Говорят, домовых видят только коты и дети.

А кто-то уверен, что всё это выдумки. Только однажды со мной кое-что удивительное случилось. Потеряла матушкин подарок – колечко. Уж я искала, искала, весь дом перевернула. И так я горевала и плакала, что нос опух и глаз не видно. А наутро чудо чудное: лежит то колечко возле зеркала как ни в чём ни бывало. Поблагодарила я тогда домового да за печью конфетку ему оставила.

– Он съел?

– За тем не следила. Не нужно лишний раз в таинство ломиться, как слон в посудную лавку. Случилось чудо – поблагодари от сердца и отступи. Не кудахтай на всю округу, словно курица, снёшая яйцо.

– Ох, бабушка! А имя у нашего домового есть?

– Я когда колечко нашла, нарекла Евсюткой. Надо же было уважительно обратиться, когда спасибо говорила.

– А домовые апельсины едят?

– А ты угости, вот и узнаешь. Оставь дольку на блюде у ёлочки. И пусть вся эта история будет нашей маленькой тайной. Тихой верой в доброе, но очень хрупкое волшебство. Мир многогранен, многоцветен, непостижим. И чего только в нём не случается...

Настенные часы пробили полночь, и дом погрузился в тишину. В незашторенное окно льёт свой призрачно-голубоватый свет бледная луна. По сапфировому бархату неба блуждают ледяные астероиды, хвостатые кометы и космические

корабли. Сияющие звёзды выстраиваются в созвездия Медведей, Охотников и их верных Псов. Разноцветные туманности качают колыбели с новорождёнными планетами.

Евсютка дует на ёлочку, и серебристые полосы мишуры чуть слышно шуршат и переливаются. А на стенах и потолке колышутся разноцветные пятна и длинные тени.

– Будто мы на дне морском, а вокруг шевелятся заросли капусты, – шепчет Евсютка.

– Сам ты капуста, – мурлычет Касьян.

– Дурак, это водоросли такие. Называются морская капуста. Я в книге читал. Будешь апельсин?

– Я котлеты уважаю. К заморским фруктам не приучен.

– Ты знаешь меня, Касьян, я хозяйского ни в жизнь не возьму. Но коли угощают, почему ж не попробовать, – говорит Евсютка, с причмокиванием доедая сочную дольку. – Оно, конечно, вкусно, но наша ягода не хуже. Взять хоть землянику: душиста да сладка. А клубничное варенье? Амброзия, а не варенье.

– Амброзия – это сливки от соседской коровы. При чём тут варенье? – удивился Касьян.

– На вкус и цвет... – произнёс домовой, убирая апельсиновую кожурку в карман зелёной рубашки. – Не скрою, чужое внимание приятно. Это заставляет проникнуться к миру более добрыми чувствами.

Помолчали. Вдохнули. Кот тронул лапой золотистый шарик. Домовой подул. Снова зашевелились тени на стенах.

Друзья полюбовались, представляя себя на дне глубокого неспокойного моря.

– Сегодня я был пойман врасплох, – признался домовой. – Проверял кладовую на предмет мышей да замешкался. Девчонка засекла. Глазастая у нашей хозяйки внучка.

– Стареешь.

– Касьян, – строго произнёс домовой, – мыши – твоя обязанность. Но куда там! Растолстел, всё равно что тюлень гренландский. Скоро в двери не влезешь. Бабушка уже надорвалась тебя на печь поднимать.

– Это зимняя зажировка. Во-вторых, пост на дворе Рождественский. И вообще я пацифист, против насилия.

– Пост не мост, можно объехать. На что в доме кот, если он мышей не ловит?

– Я полезный. Лекарство для души. Меня можно любить и гладить.

– Это да. Так бы и обнял тебя, морда усатая. Пойдём, на печь подсажу. Спать пора.

Проводив кота на тёплую лежанку, домовой забирается в кресло-качалку. Осторожно, чтобы не спустить петли, примеряет недовязанный шерстяной носок. Тот оказывается впору. Евсютка довольно улыбается, закутывается в плед и начинает тихонько раскачивать кресло. «Мой домишко, – думает он. – Люблю его...»

Закат

– Привет. Ты тоже хочешь полюбоваться закатом? Что ж, можешь присесть рядом. На этой скамейке места хватит для двоих. Небо сегодня необыкновенно прекрасное, правда? Изумительное. Подарок вселенной. Словно усталый художник разлил по холсту последнюю тёплую акварель, окрасив готовый пейзаж в сто оттенков жёлтого. Облака, верхушки деревьев, крыши домов, воду и нас. Моя бабушка в таких случаях говорила: Бог рисует.

Роскошный вечер. Золотой закат. Самое волшебное время. Ты заметила? Приглушаются звуки. Всё вокруг наполняется тишиной, удивительным покоем и мудрой печалью. Кто-то невидимый гасит яркий свет, но зажигает уютный, медово-янтарный. Цвета небесные, будто чудесные ароматы, проникают в самую душу, привнося с собой умиротворение и надежду. Такое волшебство хочется ощущать и наблюдать лицом к лицу, а не из окна. Потому и прихожу сюда, даже когда дела есть. Для хорошего не должно быть некогда. Никто никогда не восхитит и не удивит нас так, как может удивить мироздание.



К сожалению, этот мир не всегда полон очарования. Ты со мной согласна? Молчишь. А я по глазам вижу, что согласна. Мы живём в довольно безжалостном мире, это правда. Когда-нибудь он будет жесток и ко мне. Тогда, когда стану забывать то, что только что сказала, а видеть дальше горизонта. Когда воспоминаний станет больше, чем реальных событий. Когда я сама перестану радоваться каждому дню. Но пока Бог милует. Порой, бывает, моя жизнь трещит по всем швам, но я вставляю в иголку нитку покрепче и зашиваю. Пеку пирог, завариваю чай и наслаждаюсь. Поливаю цветы, глажу бельё, мою пол, вяжу шаль. Не тянусь к великому, ценю маленькое. Не переживаю о том, что кто-то счастливее или лучше меня. Слушаю своё сердце. Чужие рецепты использую исключительно в кулинарии.

Ты заметила, что золотистые и оранжевые тона уходят? Остаются розовые. Небо уже напоминает лавандовое поле. Как быстро всё меняется!

Должна признаться, с тобой приятно. Хоть ты и молчишь всю дорогу. Зато я наговорила всё, что хотела. Удивительно, но порой человеку, чтобы вернуть равновесие, достаточно всего лишь высказать свои мысли вслух. Комментарии к ним излишни. Тут надобность не в диалоге, а в терпеливом и понимающем слушателе. Буду рада отблагодарить тебя за внимание к моей персоне вкусным бутербродом. Любоваться миром лучше на сытый желудок, красотой сыт не будешь.

Ты любишь кукурузный хлеб с домашним сыром? У меня тут в сумочке два больших ломтя. Один тебе, другой мне. Или тебе полтора, а мне половинка. Вкусно? Тогда ешь оба.

Закат догорает, но всё ещё поразительно красиво. Алые сполохи будто танцуют. Посидим ещё чуть-чуть и по домам. Ты где живёшь? Впрочем, можешь не отвечать. По глазам вижу, нигде. А хозяин у тебя есть? Понятно. И что ты, интересно, об этом сама себе думаешь? Что недостаточно хороша для того, чтобы быть кому-то нужной? Выбрось эти мысли из головы. Ты славная. Удивительная. Мне как раз нужна такая. С такими же добрыми глазами. Что ты любишь на ужин? Можешь не отвечать. По глазам вижу: гречневую кашу с морковкой и курицей...

Где-то высоко-высоко в небе, гораздо выше облаков, Бог промыл дождевой водой кисти, убрал в стол всех оттенков жёлтого краски и теперь стоял у окна в своей Небесной Обители, катая за щекой лимонный леденец. Далеко-далеко внизу по парку шла женщина в тёмно-зелёном платье с сумочкой в руке. Рядом вприпрыжку бежала собачонка и всё пыталась прижаться тощим боком к её ноге.

– Другое дело, леди Роуз. Нельзя же всю жизнь жить без собаки, – тихонько произнёс Бог и удовлетворённо улыбнулся.

Мудрости тётушки Манон

1

– Красивая экспозиция, ты не находишь? – тётушка Манон счастливо улыбается, глядя на клумбу с голубыми незабудками – очаровательный кусочек её личного цветочного рая.

Его она сотворила собственными руками на некогда запущенном участке земли.

– Мышиные ушки и папоротник – идеальное сочетание, – продолжает она. – Одни нуждаются в тени, другой эту тень даёт. Всё как у людей. Кому-то хорошо при свете, а кто-то лишь во тьме находит красоту и умиротворение.

Мир огромен, живописен и удивителен. Мир тётушки Манон, опоясанный элегантным белоснежным забором, мал, но не менее восхитителен. С весны до поздней осени он кружит голову всякому входящему медово-ванильными ароматами и впечатляет, и радует разнообразием населяющих его чудесных растений. Махровые тюльпаны, лазоревый мускари, японские ирисы. Чайные розы, каланхоэ и бегонии. Примула, вербейник и флоксы. Среди цветов – островки пряных трав: душица, базилик, чабрец, розмарин. В самых неожи-

данных местах то на хорошенький цукини наткнёшься, то на щекастый томат, то на спелый баклажан. У каждого из них своё уютное местечко под солнцем и свой срок жизни. Одни увядают, другие только распускаются, третьи цветут по полгода.

В уголке этого цветущего великолепия притулился бежевый домишко с островерхой оранжевой крышей, с миниатюрным, словно для гномов, кружевным балкончиком, с вьющимися по стенам плетистыми розами. С высокими окнами с ларными ставнями в цветастых занавесках, с уютной застеклённой террасой и резным крылечком.

Ещё несколько лет назад на участке росли великолепные лопухи, а в доме благоденствовали пыль, пауки и мыши. Тётушка Манон, кухня моего папеньки, преобразила и то, и другое после того, как схоронила мужа, чрезвычайно увлёкшегося пригубливанием высокоградусных напитков, тем самым сведшим себя в гроб раньше положенного времени.

– Нет такого молодца, что поборол винца, – сказала Манон, бросая в могилу горсть земли.

Через пару дней, не желая маяться без дела в огромной квартире, да к тому же в гнетуще-тоскливом одиночестве, тётушка упростила папеньку свозить её в деревушку, в которой непонятно с какой целью два года назад её муж Алан за сущие гроши купил заброшенный домик. Сколько Манон его ни допрашивала, он так и не смог объяснить, что побудило его приобрести эту немолодую лачугу.

– Пьянство сродни безумству, – обречённо вздохнула тётушка, рассказывая моему папеньке эту историю. – Видимо, он руководствовался наставлениями своего любимого психолога – виски.

После похорон супруга добросердечная и заботливая Манон вспомнила про дом и подумала: «Как он там? Чувствует ли, что осиротел?» Поехала навестить, познакомиться, утешить, но влюбилась в восхитительный чуланчик с полочками и ящичками из бука. Мысленно расставила на полках банки с разным вареньем, бутылки с оливковым и кукурузным маслом, разложила мешочки с крупой, насыпала в ящички душистые яблоки и сладкую морковь, развесила низки с сушёными грибами и уже не смогла всё это бросить. К тому же в отличие от налаженного быта в городской квартире здесь было чему посвятить свободные часы и куда приложить умелые руки. Ну ещё бы!

Дом, несмотря на внешнюю миниатюрность, внутри оказался довольно вместителен. Имел и прихожую, и кухню, и спальню с гостиной. Наверх, в ещё одну комнатку, вела удобная широкая лестница. В задней части строения Манон обнаружила ванную, прачечную и тот самый чулан, при виде которого её переполнило чувство гармонии с собой и домом. Обследовав каждый уголок, тётушка стряхнула с себя пыль и паутину и велела папеньке везти её в строительный магазин.

– Может, дашь себе время отдышаться и подумать? – удивился он.

– Что тут думать? – воскликнула Манон. – Я собираюсь переселиться в этот дом, а не на тот свет. Последние шесть лет я жила с больным человеком, который если и ценил меня, то только как уборщицу его квартиры. Не имею желания изображать страдальцу-вдову и имитировать безутешное горе. Меня затопляет ощущение свободы и окрыляет предчувствие счастья. Поехали!

– Не женщина, а огонь, – проворчал папенька, заводя машину. – Смотри, дом не спали. Эта чёртова погоня за счастьем может плохо кончиться.

2

Через неделю тётушка окончательно и бесповоротно обосновалась в доме и с искренним энтузиазмом принялась наводить дивную красоту и неповторимый уют. С большим удовольствием протирала окна, до блеска чистила кафель на кухне и в ванной, красила шкафчики и дубовые половицы, клеила обои с ситцевым рисунком. Застелила диванчики и кровать хлопковыми пледами, пол – светлыми шерстяными ковриками, стол – скатертью с зелёными лугами и мельницами. Свежие полочки украсила милейшей винтажной посудой с забавными кроликами. И чувствовала небывалое умиротворение, будто наконец обрела тот идеальный мир, в котором не чувствуешь необходимости в рае.

Из распахнутых окон домика выплывали запахи то клея,

то лака, то пчелиного воска и краски. К двум пополудни их сменял аппетитный аромат готовящейся еды. Манон всегда готовила так, что пальчики оближешь. Её не удивило, когда однажды, откликнувшись на неодолимый зов благоухающего жаркого с зелёным горошком, в кухню запрыгнула бродячая кошка. Тётушка обрадовалась: есть кому скормить пару вчерашних рубленых котлет.

— Милочка, ты выглядишь так, будто питаешься не едой, а несбыточными надеждами, — щебетала сострадательная Манон, наблюдая за тем, как голодное животное, забыв о столовом этикете, пожирает угощение. — Женщинам не к лицу бытовая неустроенность и отсутствие заботы. Я не о том, что ты слишком худая и слишком грязная. Все мы немного слишком. У всех есть собственные катастрофы. Я о том, что имею возможность изменить твою жизнь к лучшему. Для этого у меня есть очаг, диван и кулинарный талант.

Кошка была молода и в своём уме. Да ещё это красивое лавандовое блюдце с тёплым молоком... И обращение. Не привычное «пошлавангрязнаятварь», а Бабетта. Уважительно, правда?

Внимание в час нужды каждому приятно. Кошка осталась. Переловила всех мышей и им подобных в доме и за его пределами. Отъелась, залоснилась, распушилась. Стала вальяжной и неприкосновенной. Но охранную службу несёт будто пёс. Когда обходит территорию, лягушки перестают квакать, птицы не летают, трава не растёт. Разбойничья мор-

да, в бархатных лапках которой скрываются слишком острые когти.

3

Превратив дом в удобный, уютный, успокаивающий мирок, переступив порог которого сразу обретаешь чувство защищённости от повседневных неурядиц и всевозможных невзгод, Манон принялась реанимировать сад. Искоренять сорную траву, заселять прекрасным. Она была рада быть полезной самой себе и кусочку земли, который постепенно превращала в цветущий оазис. Тётушка с головой уходила в устройство своего нынешнего места обитания. Всегда аккуратно и со вкусом одетая, в ту весну и лето она выглядела как сказочный лесной эльф. Добрый, маленький, чрезвычайно счастливый человек в соломенной шляпе, в фартуке и перчатках, перемазанный чернозёмом, с прилипшими к щеке травинками. Манон не волновало, симпатична ли она в таком виде окружающим, ей не было никакого дела до их мнения. Тётушка будто выпала из реального мира, уехала на другую планету. Будто во всей вселенной существует лишь она, ящичек с луковицами тюльпанов, ведёрко с корневищами ирисов да пакетик с удобрением. И не было ничего важнее тех вещей. Руки делали всё сами, не требуя осмысления: вскапывали, рыхлили, укладывали корешки или луковички в ямки на определённую глубину, будто хрупкие яйца в гнёз-

да. Милый эльф сосредоточенно занимал свою жизнь сотворением чуда, забывая о времени. Манон двигалась, хлопотала, ухаживала, поливала, радовалась первым всходам, листочкам, лепесточкам, ягодам. Каждый день какое-то время проводила возле садовых клумб и саженцев, не вспоминая про давление, спазмы, нервы, не замечая, как сами собой приходят ответы на все вопросы. Колдовство какое-то.

4

Со временем Манон обустроила своё бытие по сердцу, руководствуясь исключительно личными ощущениями и зелёной энциклопедией.

– Растениям необходимы не только дождь и солнце, – объясняла Манон. – Им нужны забота, любовь, гармония и общение. Они не меньше, чем люди, нуждаются в добрых соседях. Навряд ли ты приготовишь много вкусных блюд из брокколи, если посеешь рядом с ней фасоль. Зато фасоль водит дружбу со шпинатом. А вот роза – вполне себе самодостаточная дама. Ей друзья не нужны. Всего хватает без них.

Манон нынче и сама расцвела. Жизнь в деревне, посильный физический труд в саду и в доме оказались для неё благодатной почвой. Она помолодела, похорошела, забыла о возрастных проблемах со здоровьем. Просыпалась в шесть, улыбалась новому дню, выходила во двор, вдыхала чистейший воздух занимающегося утра. Обходила сад, проверяя,

как поживают его обитатели, как приживается персиковое дерево, распустились ли наконец пионы. После завтрака отправлялась на прогулки по излюбленным тропинкам в лугах. На обратном пути заходила в местные магазинчики, покупала тёплые луковые булочки, сливки, кофе в зёрнах, что-нибудь мясное для Бабетты. Встречала по пути знакомых, делилась своим мнением о том, что можно добавить в абрикосовый джем и сколько яиц разбить в сдобный пирог с творогом. Потом ухаживала за домом, вкусно готовила. Заполняла полочки шкафов ровными стопками отглаженного белья и пушистых полотенец, а полочки в кладовой – рядами баночек с результатами кропотливого труда в саду.

Спокойное принятие течения дней, простота восприятия жизни – вот что стало для Манон эликсиром молодости и лекарством.

– Ты меняешься на глазах, – говорю я при встрече, – выглядишь всё лучше и лучше. Что ты принимаешь?

– Новую жизнь без оглядки на прошлую.

5

Кто-то разговаривает с тобой в своё свободное время, а кто-то освобождает время, чтобы поговорить с тобой. Манон из вторых. В домике тётушки нахожу безграничное внимание, покой для души и тела, ответы на неразрешимые вопросы, мудрости на любые темы. Делюсь с ней радостью и

горем, проблемами и удачами. Обращаюсь за советом, помощью, рецептами счастья и ватрушек.

Чем чаще мы общаемся, тем больше она удивляет меня своими суждениями обо всём на свете и способностью утешить. Человек человеку врач – это истинно про неё.

Открываю белую калитку, отделяющую цветущий рай от остального мира. Здесь пахнет мёдом, сладко с горчинкой. Жужжат очумевшие от изобилия живительного нектара пчёлы, птицы заливаются счастливыми голосами. Ветерок играет листвой деревьев. По дорожке снуют солнечные блики.

Двери домика открыты, и я слышу, как тётушка напевает очередной романс. На террасе – зелёный кувшин с цветами, на столике – раскрытая книга. В кресле свернулась и чутко дремлет упитанная кошка Бабетта. Заслышав мои шаги, она открывает горящие злодейским огнём жёлтые глаза, размышляет, не представляю ли я угрозу для её хозяйки. Потом успокаивается, переваливается на другой бок. Моя попытка приласкать её заканчивается неудачей: сегодня Бабетта не в духе и сердито урчит. Однажды я неуважительно отнеслась к её настроению, последствия заживали долго. Несмотря на внешнюю милоту, кошка не терпит, когда нарушают её личные границы. Лишь изредка снимает корону и великодушно позволяет пару раз погладить её августейшую плюшевую спинку и почесать за высокочтимым бархатным ушком. Не чаще трёх раз в год.

Манон на кухне. Разрезает на половинки фиолетовые со

светлым налётом упругие сливы, удаляет косточки. Невысокая, хрупкая, привлекательная, в синем платье в белый цветочек, с гладко зачёсанными волосами – воплощение безмятежности. Отложив нож, она принимает меня в свои объятия.

– Ты, как всегда, чудесно выглядишь, – говорю я тётушке.

– У тебя хороший вкус, – улыбается она. – Что случилось, дорогая? Твои глаза на мокром месте.

– Не только глаза. Моё сердце разбито. Ушёл на радугу наш мопс Чарли.

– О, милашка Чарли! – с печалью в голосе восклицает Мэнон. – Мне жаль. Сколько же лет ему было?

– Шёл пятнадцатый.

– Предел жизни. Ничего не поделаешь. От старости средств нет. Надеюсь, он не страдал?

– Делали всё, что могли. Три дня назад вечером уснул, а утром не проснулся. Папенька на удивление спокоен. Он же по жизни философ. Представляешь, пытался успокоить меня, читая лекцию о естественных процессах жизнедеятельности собак в зависимости от породы. Слышать его не хочу. Мне ужасно, ужасно не хватает Чарли!



Тётушка снова обнимает меня и бережно, словно остерегаясь невзначай сломать одну из моих конечностей, усаживает на диван. Сама возвращается к столу. Выкладывает половинки слив в кастрюлю, добавляет сливочное масло, сахар и немного вина. Ставит на плиту.

– Понимаю, как тебе тяжело, – говорит она, помешивая содержимое кастрюли. – Чувство утраты сейчас слишком болезненно. Со временем оно поблёкнет, износится. Останутся только добрые воспоминания, благодарность за то, что когда-то он выбрал именно вашу семью, и подлинная любовь. Любовь к тому, кого однажды впустил в своё сердце, – это единственное, что никогда не изнашивается.

Манон снимает с плиты кастрюлю, вынимает шумовкой сливы на блюдо. Принимается за тесто. Взбивает яйца с сахаром и сливочным маслом. Добавляет муку с разрыхлителем. Всё смешивает. В форму выкладывает сливы, поверх – тесто. Ставит в разогретую духовку.

– Идём в сад, дорогая. Нужно нарвать трав для чая. Шалфей и мята смягчат твою боль, обещаю. Чтобы пережить эту печаль и остаться в живых, нужны помощники: хороший чай, кусок пирога и тот, кто выслушает. Нельзя оставаться один на один со своим горем.

Тётушка с корзинкой в руках уверенно шествует по дорожкам между клумб и грядок. Находит всё, что нужно, и листочек чёрной смородины. Попутно заглядывает в каждый

уголок, обследует какие-то веточки и лепесточки, проверяет на спелость поздний крыжовник. За ней по пятам, как всегда, ходит Бабетта. Я, надев старую тётушкину шляпу от солнца, – почтительно следом. Вдыхаю благоденствие и сладость растений. Их аромат и голос Манон успокаивают, отвлекают от боли.

– Уж не знаю, куда на самом деле люди попадают после смерти, хотя личные догадки на эту тему имею, – произносит тётушка. – Но в одном уверена точно: отдельной маленькой частичкой они остаются в нашем сердце. Все, кого ты любила, всегда с тобой. Порой, вспоминая близкого человека, покинувшего этот мир, я говорю: «Как же я скучаю! Как мне тебя не хватает! Как хочется увидеть, обнять, поговорить!» И тут же чувствую, как что-то тёплое и нежное трогает моё сердце изнутри. Будто даёт знать: я здесь. Наши любимые навсегда с нами. И не только люди. Частички домашних животных тоже. Я думаю, это частички их души. Видимо, в сердце есть какая-то дверца, которая впускает их внутрь.

– Сколько же их в твоём сердце?

– Много.

– Но ведь сердце такое маленькое!

– Оно только снаружи маленькое. Внутри оно большое. В моём-то кого только нет: люди, котики, собаки, черепаха! А ещё два джунгарика. Очаровательная парочка, однажды не давшая мне утонуть в пучине хаоса. Лет десять назад я купила их в подземном переходе у какого-то дурно пахнуще-

го грязного старика. Они сидели в обнимку в маленькой загаженной клетке и тряслись от страха. В самом деле, вцепились один в другого, будто судный день настал. Мне тогда хреново было: на работе аврал, куча неурядиц навалилась. Устала как выючная лошадь. А им ещё хуже. Забавные оказались ребята. Я наблюдала за их упорядоченной жизнью, за тем, как они наводят чистоту в домике, как одно семечко на двоих делят, как общаются, заботятся друг о друге, как купаются в тазике с золотистым песком, и о своей забывала, успокаивалась. С ними уютно. Ты только вспомнишь о ком-то, а он тут как тут. Трогает нежно твоё сердечко ладошкой или лапкой. И всё.

– Что всё?

– И ты живёшь дальше. Если ты чему-то радуешься, то и им радостно, а если грустишь – они печалятся вместе с тобой. Что лично я люблю, так это чтобы мои жильцы получали удовольствие и были всем довольны. И сама стараюсь хорошо себя чувствовать и выглядеть, приятно пахнуть и одеваться в нарядное.

Тётушка находит ещё какую-то травинку, растирает меж пальцев, подносит к лицу, вдыхает запах, срывает ещё несколько, добавляет в корзинку. Ходит, смотрит, разговаривает. А потом у неё срабатывает внутренний таймер, и она говорит:

– Идём в дом. Пирог поспел.

Пирог действительно поспел. Манон переворачивает его

на тарелку сливами кверху, пусть остынет. А пока мы завариваем чай.

– Останови меня, если я не права, но я знаю, о чём ты думаешь, – продолжает Манон. – Что могла бы больше проявлять доброты и нежности к Чарли. Чаще зацеловывать и ласкивать. Крепче обнимать. Мы так устроены: вечно находим за что себя казнить, когда лишаемся близкого человека или домашнего питомца. Но ведь ты всё это делала. Ты была добра к нему и любила. Заботилась изо всех сил. В его смерти нет твоей вины. Будешь таскать этот груз – он сломает тебя. Выход один: говори хорошее. Благодарю за то, что Чарли был с тобой, за то, что показал, как надо любить и воспринимать жизнь. Говори спасибо за то, что позволил тебе быть рядом столько лет. Страдания дна не имеют. Лишь тёплые воспоминания дают силы жить дальше. Я знаю: частичка его души уже живёт в твоём сердце. Ты будешь это чувствовать, а он тебя слышать.

Волшебный чай заварен. Пирог-перевертыш остыл. Он в меру сладок, нежен и ароматен.

Мы устраиваемся на террасе за столиком на двоих. Манон нашла его на чердаке, а я отреставрировала, подарила новую внешность и жизнь. Мы подозреваем, что это карточный столик из прошлых веков, но ценим не старину, а его размер. Маленький столик – это то, что нам нравится, и самое то, что нужно для уютных посиделок, располагающих к искренности и открытости. Обожаем собираться втроём и болтать

обо всём на свете.

6

На следующий день с самого раннего утра мы с Манон отправились на прогулку по полям и там любовались восходящим солнцем, чистым прохладным воздухом и неизменно прекрасным пейзажем, нежным и волшебным. На траве блестела роса, сладко пахло клевером. Ветер легонько касался щёк. Мир преображался в предчувствии нового дня, а вместе с ним и я наполнялась надеждой, что когда-нибудь смирюсь с уходом Чарли и не скорбя, а с любовью поблагодарю его за то, что он был в моей жизни.

Вернувшись домой, мы приготовили себе кофе и устроились наслаждаться видом, покоем и остатками вчерашнего пирога за кухонным столиком возле открытого окна.

— Глядя на эту деревенскую и природную пастораль, я начинаю понимать, почему ты не осталась в городе, в комфортабельной квартире с видом на двор-колодец, а переехала в этот домишко, — сказала я.

— Если вспомнить, не где я жила, а с кем, то это не домишко, а дворец. Не приедь я сюда, чтобы сообщить дому о кончине хозяина, я бы никогда не узнала, что где-то существует моё истинное место. Может, муж что-то понимал об этом и обо мне, просто не мог облечь в слова? У мужчин такое бывает. Они или мудры, или тщеславны. Видимо, Алан был

гением.

— Почему ты не уходила от него? Ты имела все основания оставить человека, который всё больше спивался и деградировал.

— Потому что он позволял мне жить своей жизнью. Это мирило меня с его недугом. Он сам по себе, я сама по себе. И один маленький взаимоприемлемый компромисс. Однажды Алан собрался было меня зарезать за то, что уехала на несколько дней, не сказав куда. Я отвела от своего лица его руку с ножом для разделки рыбы и спокойно сказала, что если ему интересно, мне не трудно сообщать о маршрутах моих отлучек. Но если ещё хоть раз мне станет страшно жить в этой квартире, я тут же уйду навсегда. С того дня муж не прикасался ко мне. Звучит неправдоподобно, но это так. Между нами воцарились почти добрососедские отношения. Я не лезла на стенку от безысходности от того, что он не желает меняться. Этого не было. В мои планы не входило бороться с его проблемой без его согласия, транжирить собственную жизнь на того, кому это не нужно. Я уважала себя. Мы пришли к соглашению, что не вмешиваемся в бытие друг друга. Каждый тратит свои дни на то, что считает нужным. В целом я жила так, как хотела, не делая гору из муравейника от того, что встречала по утрам на кухне пару пустых бутылок из-под виски. Просто убирала их в мусорный пакет, мыла посуду, надевала красивое платье и шла на работу. Никаких скандалов и истерик в обмен на то, что он не

переступал черту мною дозволенного. Может, кто-то считал, что своим спокойствием я морочу окружающим голову, но себя-то я не обманывала, а это самое главное – знать про себя правду. Я всегда была собой, не притворялась в угоду обществу несчастной созависимой клушей. Мне не на что было жаловаться. Я всему научилась, читая инструкции по применению – мои настольные книги, – и, как и многие одинокие женщины, была чрезвычайно благодарна тем, кто их писал. Жаль, что авторов не указывают. Не знаешь, кого конкретно упоминать в своих вечерних молитвах после того, как правильно соберёшь новую кухонную мебель и отремонтируешь посудомоечную машину.

Я не хранила в сумочке нюхательную соль с фиалковым маслом, не пряталась за дверцей буфета, чтобы тайно утешить себя рюмочкой молодого портвейна или накапать бренди в кофе больше, чем кофе. Не бегала к психологам, не орошала горькими слезами чужие жилетки и плечи. Ни за кого не цеплялась. Знала: выхода нет только из гроба. Если не было настроения, я говорила себе: «Манон, дорогая, это просто плохой день, а не плохая жизнь». И шла в театр или в галерею. Или в филармонию насладиться скрипкой. Там прекрасно и много хороших людей.

А ещё мечтала. В мечтах можно уйти из реальности. Можно забраться на вершину горы, дотянуться до звёзд, очутиться в другом городе или в детстве, прогуляться босиком по Луне, постоять на берегу океана, побыть счастливым. Порой

я так мечтала, а порой покупала билет, говорила: «Вернусь через пять дней» – и превращала мечту в реальность. Уезжала к морю. Оно наделяло меня невозмутимостью, терпением и внутренней силой. Я снимала домик на берегу, носила платья до пят, распускала волосы, бродила по местному рынку с корзинкой из бамбука, покупала на завтрак чёрную малину и хрустящие круассаны, на обед – дорадо, запечённую с травами, а вечером устраивала у воды пикник с «Шардоне», креветками и козьим сыром. Любовалась закатом, наслаждалась осознанием полного покоя и свободы. А потом возвращалась. Не в моём характере бросать недочитанную книгу, незаконченное дело, недоеденную пищу. В том числе мужчину, который хоть и не ценил меня до такой степени, чтобы справиться со своей проблемой, но всё же не хотел, чтобы я ушла и кое-что для этого делал.

Кто-то уверен: если у тебя муж алкоголик, то ты, жалкая горемыка, должна вести себя тише воды, ниже травы, одеваться в чёрное, общаться шёпотом. Вот уж нет. Я не из тех людей, которых можно пожалеть. Я могла быть смертельно уставшей, но никогда не впадала в настоящее отчаянье. Не думала о том, что моя жизнь испорчена или разрушена, что у меня проблемы. У всех есть какие-то проблемы. Просто не стоит застревать в них. Я никогда не говорила: «У меня всё плохо». Говорила: «Пошло оно всё к чёрту!» Имеет значение только то, что у тебя в голове. То, о чём мы очень часто переживаем, на самом деле того не стоит, правда. Пото-

му могу дать совет. Заботься о себе на всех фронтах жизни: о душевном и физическом здоровье, о своих эмоциях, о новой помаде, о платье по фигуре, и ступай вперёд, сохраняя в памяти лишь хорошее. Не жалуйся на трудности, а ищи пути их решения. И это не алкоголь. Цени не того, кто тобой восхищается, а того, кто рядом, когда восхищать нечем. Открывай навстречу добру все окна своей души.

– Ох, тётушка, я восхищаюсь тобой всегда. Но этот маленький дом требует большой заботы. Ты всё время в трудах. Когда ты отдыхаешь?

– Отдыхают от того, что не нравится. А мне всё нравится. Я уехала из городской суеты, от толпы, от условностей и компромиссов. Нашла здесь покой, тишину, благословенное одиночество – это такая роскошь! Здесь еда вкуснее, и пахнет она по-другому. Здесь скромные, тихие, дурацкие радости, которые замечаешь и ценишь только ты. Они доставляют больше счастья, чем общепринятые вещи. Тебе знакомо такое чувство?

– Да.

– Скажу по секрету, моя маленькая кладовая – одна из таких радостей. Ты бы только знала, как горячо мне хотелось обустроить её, заполнить полки парой дюжин банок с самым вкусным на свете вареньем, с фруктами в пряном сиропе, с овощной икрой, с аджикой, с острым соусом. Я просто заискрилась этим желанием. Порой захожу туда для того, чтобы полюбоваться и удостовериться: кое-какой стратеги-

ческий запас на всякий случай у меня имеется. Это наполняет чувством защищённости, безопасности и устойчивости.

Прекрасно то, что в каждом возрасте нам требуется что-то особенное. В двадцать хочется покорять весь мир, в шестьдесят – чтобы мир был в душе, а в доме – кладовочка. Всё, что раньше было таким важным, теперь кажется мне ничтожным. И так здорово, когда ты можешь потакать своим возрастным потребностям!

Днём мы с Манон выходим «в свет». У неё список, с которым нужно обойти два магазинчика, рынок и одну аптеку. Обожаю маленькие деревенские магазинчики и местный рынок, но ещё больше обожаю работающих там людей. Все они одинаково приветливы к тебе и к твоей собаке, знают кличку твоего пожилого кота и шлют ему приветы в виде лишних граммов свежей сметанки или куриной шейки. Они помнят всех твоих родственников, интересуются их здоровьем, рассказывают о своих и своём, делятся полезными советами и чудодейственными рецептами от всего на свете. Здесь вы можете узнать ответы на любые вопросы: как навсегда избавиться от натоптышей, морщин и лишнего веса, как приготовить королевскую ватрушку и домашнюю колбасу, нужен ли розам навоз, чем кормить слона, сколько съедать ложек мёда в день, чтобы оставаться молодым до ста пятидесяти лет и ещё многое другое. Не продавцы, а опытные эксперты какие-то.

После обеда мы с Манон славно потрудились. Пропололи клумбы, скосили траву на лужайке перед домом. Собрали ведро томатов, решили их завялить по-итальянски с чесноком и душистыми травами. Пополнили кладовую двумя баночками крыжовенного варенья. Испекли на ужин воздушный персиковый пирог и съели половину ещё горячим, с холодным молоком от местных коров, густым и вкусным. Бабетта от пирога отказалась, поужинала мясным паштетом и ушла по своим делам. Мы же с Манон ещё долго сидели на террасе, глядели на безмолвный, чернильно-синий небесный океан, полный сияющих звёзд и планет, и обе свято верили, что там есть жизнь. Иначе как жить, когда наступают мрак и безнадёжность, когда сердце разрывается от невыносимой тоски по ушедшим из мира земного?

– Но всё же, что бы ни случилось, лучше глядеть на небо, чем жить там, – произнесла Манон, чуть улыбаясь, полная мудрости, любви и сияния. – И пока мы здесь, а не там, каждому из нас нужно иметь что-нибудь своё. Обязательно нужно. Это важно. Должно быть место, куда человек может вернуться для того, чтобы прийти в себя, согреться, выжить, набраться сил, сделать правильный выбор. Деревня или город. Комната, столик у окна, мост, скамейка, тропинка... Для меня это вот этот домишко. Место, где мне хорошо.

Вечер был довольно тёплым. С неба падали спелые звёзды, с яблони – спелые яблоки. Пахло розами.

Душу заполняли нежная меланхолия и ласковый покой,

которые примиряли меня с уходом Чарли: притупляли горечь сожаления, боль и гнетущую тоску. Смиряли с тем, что я буду жить дальше, только уже без него. Я всё меньше жалела себя, всё более утверждалась в том, что мой пёс прожил хорошую жизнь, и благодарила судьбу за то, что она была к нему добра, не измучила болезнями, травмами, жестоким отношением. Хотелось думать, что Чарли был доволен своими хозяевами: мною и папенькой. Но понимала и то, что любовь и верность собак безусловны. Они не выбирают тебя по национальности, по богатству, по внешности, по состоянию здоровья. Они принимают нас разных, а потом любят до последнего вздоха каждой своей шерстинкой. Это мы, люди, ведём отбор: порода, чистокровность, характер, возраст, здоровье. Позволяем себе предавать этих бескрылых ангелов. Оставляем на обочинах, в лесу, в чужом городе, терзаем голодом и болью.

Впервые после смерти Чарли я позволила себе подумать о нём и его судьбе с лаской и тихой светлой радостью, а не с горькой тоской. И вдруг почувствовала, как что-то мягкое и тёплое утешающе прикоснулось к самому моему сердцу. «Я здесь. Я с тобой. Я слышу тебя. Навсегда».

Неслышно ступая, на террасу вошла Бабетта. Свернулась в своём любимом кресле, вздохнула, закрыла глаза, задремала.

Одно за другим гасли освещённые окна. Вечер постепенно сменяла волшебная ночь. Она заботливо укрывала засы-

пающую деревню прохладой и почти полным безмолвием.

А где-то на задворках Вселенной, в чудесном, полном солнечного света мире, счастливый и здоровый Чарли гонялся за прекрасной бабочкой...

Не уследили

Патриция, аккуратненькая, невысокая леди, возвращалась домой через парк. Насыщенный разными мирскими делами осенний тёплый день клонился к вечеру. Солнце пряталось за вековые дубы. Смеркалось. Становилось прохладнее, но в шерстяном пальто и замшевых ботиках пожилой леди было комфортно.

Парковую дорожку уже освещали старинные фонари. Под ногами шуршали опавшие листья. Пахло влагой, перезревшими медовыми грушами и старыми книгами. «Книгами, которые долго хранились на чердаке, – тут же подумала Патриция. – В доме, в котором не любят читать. Или в заброшенном, где давно, кроме мышей и пауков, никто не живёт».

Старушка всегда была любопытной, ко всему проявляла неподдельный интерес, задавала вопросы, анализировала, раскладывала по полочкам. Может быть, кому-то пожилая леди могла показаться слишком докучливой, но благодаря этому она до сих пор сохраняла ясность и незаурядность ума, в каждом дне находя что-то такое, чему удивлялась и радовалась, словно малое дитя. Будь то сгорбленный, точно старичок, опавший лист, пёстрая бабочка, порхающая над цветком, встреча с добрым знакомым или новый чай, купленный в старинной чайной лавчонке. Магдалина, пышущая красотой и здоровьем сорокалетняя хозяйка лавки, собственно-

ручно составляет чайные сборы из трав, цветов, сушёных фруктов и ягод. Приятные, полезные и даже лечебные, на все случаи жизни: от бессонницы, от лихорадки, от нервов и спазмов. Патриция заходит в магазинчик, словно в храм, с почтением и благоговей. Магдалина принимается нахваливать новые сборы: успокаивающие, тонизирующие, витаминные, укрепляющие иммунитет. Пожилая леди с удовольствием вдыхает насыщенные ароматы гармоничных чайных букетов, всегда интересуется ингредиентами, их пользой и возможными неприятными воздействиями на женский организм, который наслаждается жизнью уже более восьми десятков лет.

Минувшим летом, запомнившимся своими беспощадно знойными днями и чуть менее прохладными ночами, Патрицию буквально спасла пара чайных напитков: с вишней, чудесным образом освежающий в жару, и с лимонной травой – от головной боли.

Она, можно сказать, влюбилась в них. Магдалина плохого не посоветует, потому и красота её не увядает.

Люди изобретают оптические приборы, чтобы рассматривать Луну и звёзды. «Можно подумать, на Земле уже всё рассмотрели», – бурчала порой Патриция, наблюдая, как за стеклянной дверцей духовки растёт и благоухает персиковый пирог, как румянится и темнеет верхняя корочка, посыпанная кунжутом, а на её макушке образуются светлые трещинки. Или за тем, как в прозрачном заварочном чайничке

просыпаются от горячей воды скрученные чайники и сухие лепестки цветов. Как они напиваются влагой, раскрываются, принимаются танцевать и кружиться, оставляя за собой насыщенный золотисто-коричневый шлейф. На всё это и ещё много чего можно смотреть изо дня в день и каждый раз, как в первый, удивляться, восхищаться и видеть новое. А может, эта способность приходит с возрастом? Когда всё, что ни делаешь, начинает нести в себе особенное очарование. Патриция не исключала, что когда-нибудь эта способность утратится, но на данном отрезке жизни ничто для неё не было само собой разумеющимся. Как и сама жизнь.

«Ночью подморозит», – подумала пожилая леди, почувствовав нисходящую с неба стылость. К своей восемьдесят второй осени она могла прогнозировать это с полной уверенностью. Но, к сожалению, не могла прогнозировать последний день и час своего существования на этом свете. А он наступил.

Патриция вдруг почувствовала, что не может дышать. Где-то внутри поселился кусок льда, выпустил щупальца и сжимает её бедное доброе сердце. В глазах потемнело, ноги и руки онемели, сумка выпала из ослабевших рук. Старушка из последних сил добрела до ближайшей скамейки и шлёпнулась на неё...

С ветки близ стоящего дуба неслышной тенью слетел Ангел смерти и в образе довольно приятного мужчины присел на скамейку рядом с умирающей.

– Добрый вечер, мадам. Не волнуйтесь, скоро вам станет легче. Настолько легче, что сможете летать.

– Я бы с удовольствием, – прошептала Патриция. – Всю жизнь мечтала полетать как птица. Но сейчас мне нельзя. Невозможно!

– Почему? Что вас здесь держит?

– Он...

Вот и последний на сегодня Ангел смерти явился с отчётом. Господь устало открыл журнал с именами на букву П, взял в руки перо, обмакнул в чернила и приготовился вычеркнуть из жизни Патрицию Беверли, человека женского пола восьмидесяти двух лет, проживающую в городе N на Цветочной улице в доме 45.

– Ты задержался, – проворчал Бог, обращаясь к Ангелу. – Надеюсь, всё благополучно? Эта добрая леди ушла безболезненно?

– Эта добрая леди ушла домой.

– Что! Как так?

– У неё было неотложное дело. Уважительная причина для жизни.

– Какое такое дело?

– Она сказала, что ей нужно покормить кота.

– Не помню, чтобы у Патриции был кот.

– На днях притащила какое-то шелудивое чучело. Назвала Генри. Теперь моет его, кормит, лечит, целует. Я сумку ей

до дома донёс, а потом в окно подглядел. Носит это облезлое пугало на ручках и колыбельные поёт.

– Что тут сделаешь? Не уследили. Эти пожилые леди такие проворные. Коли так, пусть живёт. Завтра велю её Хранителю, чтоб присмотрел за ней. Ещё лет семь. Или десять? А ты иди отдыхай, жалельщик котиков.

Господь отложил перо, захлопнул журнал, поставил на полку. Открыл ящик стола, достал плитку шоколада, отломил кусочек. Почувствовав во рту вкус изысканного лакомства, тепло улыбнулся...

Далеко-далеко внизу живущая в городе N старушка по имени Патриция уже и думать забыла о своём недавнем недомогании и добродетельном мужчине, который донёс до дома её тяжёлую сумку. Все мысли были о спасённом от смерти бедном коте. Тощий, потрёпанный жизнью Генри только что вкусно поужинал и теперь с удовольствием дремал на руках у хозяйки под её умиротворяющее воркование.

На чернильно-синем небе играли последние отблески оранжевого заката. Краски мира тускнели и становились похожими на старинную акварель.

– Какой чудесный вечер! – восхитилась Патриция, глядя в окно. – И какое чудо, что мы можем его видеть! Правда, Генри?

Нет худа без добра

Шарлотта, незамужняя барышня двадцати девяти лет, проживающая на окраине тихого городка в скромном одноэтажном домике бледно-зелёного цвета, украшенном прелестной викторианской верандой, была человеком решительным, серьёзным до суровости и чрезвычайно пунктуальным. До занудства страстной любительницей образцового порядка, различных правил и предписаний. Она обожала маленькие славные обычаи, устои, праздничные традиции и старательно их придерживалась. Это помогало справляться со своими слабостями, твёрже стоять на ногах, дарило чувство незаурядности. Одинокой барышне сие чрезвычайно необходимо, даже если этой самой незаурядности в ней хоть отбавляй. Во всяком случае, Шарлотту Бог ею точно не обделил. Высока, широкоплеча, со статной фигурой. На лицо не дурнушка, но всё же из тех, на кого никто дважды не взглянет. Глаза серые, нос с горбинкой, тонкие губы без помады, гладко зачёсанные светлые волосы. Ноги длинные, размер – за сорок. Не руки, а ручищи, способные к тяжёлому труду, не аристократичные. Крупные, сильные кисти с широкими ладонями, узловатыми пальцами и обветренной кожей.

Несмотря на некоторую внешнюю суровость, Лотти довольно легко умилялась, когда находила для того вескую

причину. Она принимала за счастье увидеть двойную радугу, распутившийся за ночь куст пышных пионов, севшую на руку голубую стрекозу да съесть прямо на грядке первую сладкую клубничину размером с три пятака.

Случалось это, мягко говоря, нечасто. Любое нарушение привычного образа жизни и распорядка дня заставляло Лотти нервничать, портило настроение, лишало равновесия.

Пара-тройка неписанных правил была привита ей с детства любящими родителями, трагически погибшими двенадцать лет назад. Но большую часть из них она придумала себе сама и тем гордилась.

В последний понедельник каждого месяца Шарлотта писала письма двум своим почтенным дядюшкам и кузине Джоди. В ответ получала лишь поздравительные открытки раз в год на Рождество с общепринятыми пожеланиями хорошего самочувствия и счастья. По-видимому, пожелания были написаны от души и осенены усердными молитвами, так как Шарлотта никогда не болела и не находила повода для того, чтобы назвать себя несчастной. Мнение других людей на эту тему её не интересовало. Она была довольна своим собственным, потому и не замечала в глазах окружающих сочувствия, а порой и жалости.

По воскресеньям Лотти пекла оладьи, замешенные на простокваше. Они могли быть с луком, с морковкой, с яблоком или с изюмом, но в любом случае это были маленькие пушистые облачка. Горка поводов для подлинного на-

слаждения. Шарлотта ела их вилкой, макая каждый кусочек в блюдечко с черничным вареньем, запивая заваренным по всем правилам горячим душистым чаем.

Украшая в декабре ёлку, она непременно исполняла рождественский гимн.

– Ночь тиха, ночь свята. Счастья ждут все сердца, – старательно, вкладывая душу, проникновенным меццо-сопрано выводила Лотти, развешивая на ветки старинные игрушки и бусы.

Она свято верила, что торжественное пение гимна один раз в год заменяет невысказанные слова благодарности Всевышнему за то, что время от времени ей, весьма самостоятельной даме, всё же приходится обращаться к Нему в поисках наставничества и чуткого руководства.

Под наряженным деревцем Шарлотта оставляла прекрасную винтажную тарелочку с имбирным печеньем для Санты, искренне надеясь на то, что он тайно заглянет к ней на огонёки гирлянд, утолит голод и в знак признательности за гостеприимство дарует её маленькой обители всяческое благоденствие.

Перед сном Лотти всегда вспоминала, как прошёл день, что огорчило, что случилось хорошего. Мысленно отыскав приятный момент, а то и несколько, она наполнялась чувством гармонии и довольства и говорила: «Со мной приятно иметь дело!»

Раз в три месяца она позволяла себе воспользоваться лич-

ными сбережениями, которые хранились в жестяной банке из-под сахарного печенья, и отправиться в маленькое путешествие в какой-нибудь недалёкий от её места проживания городок, приход или старинную деревню, где знакомилась с их особенностями. Обедала в тихих ресторанчиках, кофейнях или закусочных, каждый раз заказывая что-нибудь новенькое, доступное для её тощего кошелька. А потом возвращалась в свой любимый бледно-зелёный домишко убеждённая в том, что это лучший дом на свете, и пополняла пухлую записную книгу новым кулинарным рецептом.

Найти готовое платье в магазинчиках женской одежды для Лотти было почти невозможно. Всё, что у неё имелось: и в пир, и в мир – шила пожилая модистка по имени Жозефина, за которой нужен был глаз да глаз. Отточенными движениями портновских ножниц она так и норовила то талию заузить, то декольте углубить. Пыталась декорировать лиф пайетками, а край подола – бахромой. Говорила, что коли сама Лотти не внушает окружающим симпатии, то пусть это делает платье.

– Если ты блёклая моль, то хотя бы одевайся как бабочка, – любезно советовала Жозефина.

– Красота нынче – дело утомительное да затратное, – отвечала Шарлотта. – На что оно мне?

В конце концов, с трудом сдерживая рвущуюся изнутри наружу досаду и раздражение, Лотти получала то, что хотела: скромную, не бросающуюся в глаза обнову. Это требо-

вало от неё невероятного терпения, но она терпела, так как Жозефина всегда была искренне гостеприимной, обладала несравненной мудростью, изрядным чувством юмора и брала за пошив много меньше, чем взяли бы в ателье. И она была единственной, к кому Лотти испытывала некоторое чувство привязанности и доверия. В остальной части жизни Шарлотта не утруждала себя галантностью и деликатностью манер, говорила то, что думает.

Из-за высокого роста Лотти жители городка могли бы смотреть на неё снизу вверх с благоговением. Но чаще всего они смотрели с сочувствием или осуждением. Те, кому не нравится твоя жизнь, твоя причёска, твоя фигура или нос, найдутся всегда. Праздное женское общество не принимало её в свой круг, шепталось: «С такой шутки плохи». А она не больно-то и стремилась и на Луну от досады не вышла. Недосуг. Лотти вечно спешила то на работу, то в город по делам, то на рынок за покупками, то на почту с письмами для родни. И всегда выглядела бодрой и оптимистичной.

Своих размеров она не стеснялась, шагала по жизни и улицам городка крупными шагами, уверенно стуча низкими каблуками огромных коричневых туфель или потёртых башмаков. Согласовывая собственные философские теории с практикой и опираясь на незыблемые традиции, Шарлотта могла бы управлять миром, но вот уже с десятков лет правила ведром и шваброй в одной ничем не примечательной конторе. Здесь она давала волю рукам и трудолюбию, пус-

кая в ход щётки, порошки, ветошь и горячую воду. Подопечное учреждение сверкало чистотой и порядком, благоухало свежестью и немного сладостью: в одном из покосившихся шкафов с деловыми бумагами, куда давно никто не заглядывал, а также в кармане рабочего халата Шарлотты лежали саше с корнем ириса. Такие же мешочки можно было найти в её сумке, в спальне под высокой перьевой подушкой и в ящиках комода, где хранилось тщательно выглаженное бельё. Это был любимый аромат Лотти, её визитная карточка.

– Жизнь – штука безвкусная, – говорила она, покупая в аптеке свежие саше. – Щепотка специй пойдёт на пользу. – И, поднеся к лицу и вдохнув аромат, добавляла: – Так пахнет рай.

В конце каждой недели на громоздком письменном столе хозяина конторы Шарлотта находила конверт со средствами для своего довольно сносного существования. По большим праздникам к содержимому конверта прилагалась миниатюрная коробочка конфет из марципана – повод заглянуть к Жозефине просто так, на чай, а не для примерки платья. В моменты, когда их общение не сводилось к обсуждению глубины декольте, оно было приятным и дружелюбным.

Мистера Тейлора, хозяина конторы, она почти не встречала, но почему-то думала, что человек он добрый и внимательный. Видимо, из-за сладких знаков внимания. Знала, что ему лет сорок, что год назад овдовел, есть дети – два мальчика. И в качестве сочувствия убирала его кабинет с

особым усердием.

На клочке земли возле дома Шарлотта чего только не выращивала. Лук, морковь, фасоль, редис и огурцы, помидоры и брокколи. Кусты клубники, малины и крыжовника. Сорнякам, разумеется, тут места не было. Всё лето Шарлотта старательно пропалывала, рыхлила, поливала, боролась с мучнистой росой, тлёй и гусеницами, а потом пожинала великолепный урожай. Закатывала его в баночки, сушила, вялила, мариновала, а зимой пускала в ход, добавляя в супы, в рагу, в запеканки и соусы.

Свой дом Лотти обожала. Каждую вещь, каждый уголок, каждую скрипучую половицу любила. Содержала в надлежащем порядке: красила, мыла, крахмалила постельное бельё и занавески, сушила на солнце подушки и одеяла, выбивала палкой коврики. По субботам устраивала грандиозную генеральную уборку, протирая до блеска всё, что можно, в том числе двенадцать фигурок из мейсенского фарфора, что украшали каминную полку, медный настольный подсвечник, две очаровательные цветочные вазочки из голубоватого стекла и серебряные столовые принадлежности.

Как-то нашла на чердаке старую тряпичную куклу с фарфоровой головой и настольную лампу с прохудившимся абажуром. Почистила от паутины и пыли. Купила нежно-розового ситца, выпросила у Жозефины обрезки ленточного кружева и сшила для них новый наряд. Куклой украсила ореховый комод. Под лампой читает детективы. Только иной раз

задумается, отложит книгу и позволит себе немного помечтать. Будто рядом есть мужчина, который заботится о ней и их толстощёких голубоглазых детишках. Будто он может починить миксер, заставить ходить сломанные часы, обновить старый забор, найти дорогу домой из дремучего леса и спасти мир от злодеев. И этот мужчина просто не может без неё обходиться, а она без него. Шарлотта помечтает да опомнится. Подумает: «Не забыть бы купить горсть гвоздей на семьдесят. И дрова расколоть». Вздохнёт, откроет книгу и опять читает. Мысли о своей ненужности этому миру Лотти пресекала на корню.

* * *

Однажды осенним вечером, распутывая на пару с мисс Марпл дело о краже брошек у двух старых дев, Шарлотта непростительно увлеклась, забыла о времени, зачиталась до полуночи. Как результат, наутро проснулась позже обычного. Огорчённо подумала о том, что теперь день грядущий навряд ли будет добрым. Несомненно, она опоздает к открытию булочной. Ей достанется уже остывший хлеб, а она любит горячий, духмяный да мягкий, когда только что из печи. А уж вкусных тминных булочек может и вовсе не хватить – раскупаются моментально. На этом огорчения, конечно же, не закончатся. Наверняка пойдёт дождь и она до нитки промокнет. А если не будет дождя, то она подвернёт ногу. Или

получит скверное известие. Или соседская кошка поваляется на её клумбе с карликовой виолой. Одним словом, неприятности сегодня посыплются как осенние листья. И всё из-за того, что она проснулась не тогда, когда надо. Выбилась из часового графика.

Как в воду глядела. И дождь пошёл, и зонтик забыла. И, конечно же, поскользнулась и вот-вот упала бы в мгновенно образовавшуюся грязную лужу, но чья-то уверенная рука подхватила её и удержала на ногах. А другая рука раскрыла над ней огромный чёрный зонт.

– Большое спасибо, – пробормотала Шарлотта.

– Приму за счастье быть вам полезным, прекрасная богиня! – произнёс мужчина.

И посмотрел в её глаза своими карими так проникновенно и чуть печально и улыбнулся так нежно, что Лотти в его объятиях вдруг почувствовала себя маленькой голубкой, очутившейся в уютном тёплом гнёздышке. Хрупкой птичкой, нашедшей наконец дорогу домой. Ни на одно мгновение не посетили её сомнения в его искренности, не закрались мысли о плохом.

* * *

Когда в дождливый день симпатичный джентльмен в вельветовом пиджаке проводил Шарлотту до дома, все сдержанно удивились. Кто она такая? Засидевшаяся в девках бес-

цветная моль. Он же, напротив, из тех, кто может заставить женское сердце стучать сильнее. Жгучий брюнет, скандинавские скулы, масса обаяния, изящность манер.

Что ж, проводил и проводил. «Это просто случайность», — подумали все. Великодушный поступок со стороны благовоспитанного мужчины. Легкомысленная неосмотрительность со стороны добропорядочной девушки.

Но история на этом не закончилась. Красавец джентльмен и в следующие дни продолжил окружать Лотти массой внимания, восхищать букетиками астр «монпансье» и заверять в неподдельности внезапно вспыхнувших нежных чувств. Спустя две недели он уверенно, на правах хозяина, зашёл в домик бледно-зелёного цвета с большим потёртым чемоданом из фибры и коричневой болонкой под мышкой. Всеобщее удивление сменилось неприкрытым изумлением. Интересующемуся чужой жизнью обществу стало ясно и понятно: достопочтенная Шарлотта сбилась с праведного пути. Пошла по кривой дорожке. Поддалась порочащему искушению.

* * *

Уже давно известно: любовь украшает. Когда человек кого-то любит, он всегда становится лучше и начинает любить весь мир. Лотти тоже влюбилась и чувствовала себя необычайно счастливой, лёгкой, воздушной и беззаботной. Летала, а не ходила. Сияла, будто кто-то включил свет внутри.

Природа обесцвечивалась и плакала мерзкими холодными дождями, а ей казалось, что вокруг всё цветёт и благоухает. Она смотрела на себя в зеркало и не узнавала: глаза блестят, щёки пылают, губы улыбаются. Платье хоть и не новое, но со вкусом украшено веточкой поздней хризантемы. Просто удивительно, как меняет девушку ощущение собственной привлекательности.

Лотти распирало от гордости: лучший на свете мужчина выбрал её. Его улыбки, взгляды, прикосновения кружили голову, туманили мысли. Она чувствовала себя желанной, любимой, важной и безупречно красивой, не меньше, чем Клеопатрой. А чтобы освежить гардероб и стать ещё привлекательней, купила отрез изумрудного в мелкий цветок штапеля на изысканный наряд и позволила наконец Жозефине сделать то, что та давно порывалась сделать: обозначить талию и углубить декольте.

– Лотти, дорогая, – тактично произнесла пожилая женщина, снимая с сияющей клиентки мерки, – последние события в твоей жизни приковали к себе внимание многих. Все волнуются о тебе.

– Люди любят делать много шума из ничего. Утешьте себя мыслью, что у меня всё хорошо, – ответила Шарлотта.

– Будь осторожна, милая, – не отступала Жозефина. – Уже больно ненадёжные сейчас мужчины. А этот ещё и не местный.

– Я слушаю своё сердце, а оно не выбирает кого попало.

Поверь, сокола от цапли я могу отличить. Завтра вечером зайду на примерку.

– Ах, Лотти, Лотти. Сердцем выбирать неразумно.

Неделю спустя влюблённая и счастливая Шарлотта вернулась в свой дом после похода на рынок и не узнала его. В комнатах царили хаос и опустошение. Исчезли все фарфоровые статуэтки, обе цветочные вазочки из голубоватого стекла и медный подсвечник. Исчезли вышитые шёлковые подушечки, столовое серебро, чайный сервиз, замечательная плюшевая скатерть с кистями, резные шкатулки и старинные часы-светильник. Исчезла банка из-под сахарного печенья, а вместе с ней и все сбережения. Пропало всё, что вместилось в большой чемодан из фибры.

Собрав остатки разума и сил, Шарлотта позвонила в контору мистеру Тейлору и сказала, что больна. Положив трубку, легла, где стояла, и начала умирать.

* * *

Жизнь не готовила Лотти к подлому обману и гнусному вероломству. Она сломала её без предисловий, в одно мгновение, не спросив, сможет ли та жить с этим дальше или захочет прекратить своё существование. Лотти желала одного – исчезнуть с лица земли навсегда. В крайнем случае куда-нибудь спрятаться, затаиться и отключиться от всех мыслей. Спрятаться она могла. Но от мыслей было не уйти. Лот-

ти лежала на полу, закрыв глаза, чтобы не видеть разорённые комнаты, и думала о том, что тот, кому доверилась, оказался не тем, кем она представляла. Она выбрала его сердцем, он её – условиями и обстоятельствами. Ни о чём не подзревая, Лотти впустила в свою жизнь настоящего негодяя. Все его слова – ложь. Чувства притворны. То, что она принимала за улыбку ангела, на самом деле было оскалом. «Соккол» нагадил не столько в доме, сколько в душе. И это самое болезненное. Боль такая, что лучше не жить. Она в груди, в голове, в ногах, в дыхании, в мыслях. Разве с этим живут? Лучше умереть. Но почему-то разбитое на мелкие осколки сердце продолжало работать. «Какой невероятный, потрясающий орган», – подумала Шарлотта, после чего тут же удивилась, как она вообще может думать об этом...

Утром Лотти разбудил звонок. Чувствуя себя полностью опустошённой, лишённой сил и души, она кое-как добрела до двери.

– Платье два дня как готово, а ты не приходишь. Думаю, дай сама занесу, – сообщила Жозефина, заходя в дом. – А что это ты, голуба моя, как с креста снятая? – удивилась она, узрев бледное, заплаканное лицо Шарлотты. – Случилось что?

– Случилось, – тихо произнесла Лотти. – И теперь не знаю, как мне жить дальше.

Осмотрев разорённые комнаты, пожилая женщина покачала головой.

– Поручили волку за козой присматривать. Когда это произошло?

– Вчера. С рынка пришла, а тут... Видеть не могу. Чувствую себя так, будто выпила яду. Моё тело отравлено. Душа обуглена.

– Я тебя понимаю. Чтобы пережить такое, надо иметь много смелости и сил.

– Их нет, Жозефина. Что теперь обо мне станут говорить? – расплакалась Лотти. – На смех поднимут.

– Перестань думать о других. Думай о себе, а не о том, что о тебе подумают. Мы все не святые, чтобы кого-то судить. Редкие люди умеют жить достойно, остальные всего лишь чертовски хорошо делают вид. Читают проповеди о морали, а сами грешат за каждым углом. Ты действительно хочешь услышать, что они о тебе думают? То-то же. Что пропало-то?

– Этот негодяй украл мои деньги, фарфор, серебро и шкапулки...

– В жизни случаются вещи похуже.

– Что может быть хуже?

– А ты не подумала о том, что он мог убить тебя?

– Лучше бы убил, – прорыдала Лотти.

– Прощалась гусеница с жизнью да превратилась в бабочку. Посчитаем то, что осталось. – Жозефина принялась загибать свои ухоженные длинные пальчики. – У тебя нет шелковых подушечек, но есть диван. Нет денег, но есть работа. Нет скатерти, но есть стол. Ты не живёшь в коробке под мо-

стом, у тебя есть дом. Чёрт тебя поberi, Шарлотта, у тебя всё есть! Твоя смерть была бы совершенно бессмысленной. Надеюсь, чайник этот мерзавец не украл? Слава богу! Нам обеим нужна большая чашка горячего чёрного чая с сахаром. – Жозефина отправилась на кухню, принялась суетиться, греметь посудой и готовить чай, мурлыкая себе под нос оптимистичную мелодию.

– Я пью несладкий, – попыталась предупредить Лотти, вытирая слёзы.

– Потому и улыбаешься редко, – ответила гостья, уверенно кинув в чашки по кубику рафинада. – Жизнь и без того несладкая. Если ещё и чай без сахара, тут уж точно ложись да помирай. – Секунду подумав, кинула ещё по кусочку. – А чем ты кексы пропитываешь?

– Ромом.

Жозефина, похлопав дверками шкафчиков, радостно воскликнула:

– Нашла! Что тут у нас? Классический пряный? То что надо. Добавлю в чай по ложечке.

– Ты добавила по три.

– Не забывай о правилах хорошего тона. Считать ложки при гостях неприлично. Держи чашку, пей до дна. Маленькими глоточками.

– Мне за порог выйти страшно, Жозефина, – произнесла Лотти. – С горя не умерла, так со стыда сгорю.

– Акулы собираются там, где есть чем поживиться. Бу-

дешь держать язык за зубами – никто ничего не узнает. Приведи себя в порядок. Умойся как следует, сопли вытри, личико припудри. Платье вон красивое надень. Новое платье – новая жизнь. Если что спросят, скажи: «Не ваше дело». Или промолчи. Порой молчание разумнее слов.

– Вернуть бы всё обратно, ни за что бы не позволила этому негодяю меня облапошить.

– Кабы можно было всё делать заново, все были бы мудрецами. Но нет такого человека, который всегда поступал бы мудро. Безгрешен только мёртвый. Беда – хороший учитель, но она вчера случилась. Что прошло, пусть прошлым и останется. У всех нас бывают моменты, когда мы делаем то, о чём потом сожалеем. Не у всех историй счастливый конец. Даже у историй про любовь. Мы не можем всё время смеяться или бесконечно страдать. Так не бывает. В жизни всё намешано. У всякого сладкого есть своя горечь. У всякого белого – своё чёрное. Вещи, небось, не последние были. Деньги заработаешь. Самое трудное – это перестать саму себя изнутри разрушать. Отпустить обиду, злость, желание мести. Не оставлять в себе.

– Найти оправдание подлости?

– Отпустить – это не оправдать. Это себя спасти. Даже если ты в аду, думай о хорошем, замечай доброе. Тяжёлые времена приходят и уходят. Ради стриженного ягнёнка Господь унимает ветер и тебе поможет из этой трясины выбраться. Просто переживи сегодня, а завтра само о тебе позаботит-

ся. Пережила? Теперь делай, что должно. Дом прибери, новую скатерть постели, другие подушки вышей. Это опора. Гавань, которая спасает в любую бурю. Не можешь сделать так, как хочется? Делай как можется. Прежде чем стать лёгким, всё трудно. Пройдёт время, и ты не вспомнишь об этом. У всего есть свой срок годности. После ненастья выглянет солнце, наступит хорошая погода. В конце концов всё уладится. Чай выпила? Чашки помой. Мне пора. Полезу на чердак, отыщу маменькин старый фарфор. Когда-то она собирала фигурки котиков, а мне без надобности. Я ценю чистые поверхности. Завтра принесу. Любуйся сколько влезет. Надеюсь не увидеть этот разор. И приготовь себе что-нибудь поесть. Ничто не успокаивает наши нервы так, как вкусная еда.

Жозефина надела шляпку и плащ, взяла сумочку.

– Я ушла. А ты, голуба моя, живи так, будто у тебя всё в порядке. И знай, я на твоей стороне.

* * *

Оставшись одна, Шарлотта умылась, причесалась, волосы закрутила в небрежный пучок. Стоя у зеркала, смотрела на чужое бледное лицо и спрашивала себя, сможет ли она пережить это ненастье, увидеть свет, стать снова счастливой. Как бы ей ни хотелось быть сильной и мужественной, она всё же чувствовала, что не может просто приказать чувству

унижения оставить её в покое. «Как долго оно будет мучить меня? – подумала Лотти. И сама себе ответила: – Столько, сколько сама себе позволю».

Она налила в ведро горячей воды и принялась за уборку. Тщательно протёрла каждый уголок, каждую полочку, каждую дверцу и половицу. Вернула комнатам образцовый порядок, довольно болезненно сожалея о пропаже предметов, которые приносили в него долю уюта и красоты. Запустила стирку, выбила палкой подушки, одеяла и коврики. Накрыла стол чистой хлопковой скатертью. Проголодалась. Поставила томиться в духовку овощи с чесноком и домашней колбасой. Пока принимала душ и развешивала выстиранное бельё, домишко наполнился аппетитными запахами. Не успела Лотти достать готовое рагу, как раздался звонок. Распахнув дверь, она столкнулась нос к носу с хозяином конторы.

– Мистер Тейлор?

– Добрый вечер, Шарлотта. Извините, что побеспокоил. Вот, принёс ваше жалованье за неделю. Вы сказались больной, и я подумал, что деньги понадобятся на лекарства. И вот ещё апельсины. В них витамины.

– Добрый вечер, мистер Тейлор. К сожалению, от моей болезни нет лекарств. Да вы зайдите, не бойтесь, я не заразная. За деньги спасибо. Очень кстати.

– Скажите, Шарлотта, чем так восхитительно пахнет? Чеснок и розмарин?

– Точно! Снимайте пальто и ботинки, мойте руки. Я как

раз собиралась ужинать, так сделаем это вдвоём.

– Правда? Честно говоря, я ужасно голоден. Бог услышал мои молитвы и пустил в рай.

– Нет, вы у меня дома.

– Это одно и то же. А вам не нужно лежать? Чем вы больны, Шарлотта? – озаботился гость, вооружаясь вилкой.

– Скажем так, небольшая хандра, на нервной почве.

– Депрессия? Я давно забыл, как она выглядит. У меня дома целых два антидепрессанта. Одному пять, второму четыре. Приходите к нам лечиться. Завтра же суббота. Мы дома будем, а вы приходите. Забудете о своих проблемах на раз. Когда жена умерла, только дети меня спасли. Отвели от края пропасти. Всё слишком внезапно случилось: тромб. Я не был готов. Пришлось жить ради них, не до хандры было. Даже готовить научился, но лишь самое примитивное. – Дэниел Тейлор за обе щёки уплетал приготовленную Лотти еду и то и дело повторял: – Изумительно вкусно.

– Кушайте на здоровье. Все овощи с моего собственного огорода. Хлеб берите, только он вчерашний. Добавки?

– Не откажусь. Так вы придёте?

– Я подумаю, мистер Тейлор. Впрочем, если хотите, я всё же могла бы зайти к вам завтра и наготовить разной еды на несколько дней. У меня есть книга с кулинарными рецептами, возьму её с собой. Могу приготовить густой чечевичный суп с травами, жаркое с картофелем и подливкой, куриные котлетки, рисовый пудинг, салаты, блинчики из кукурузной

муки, оладьи с изюмом, творожные пончики и фруктовый пирог с яблоком...

– Нам столько не съесть. Но вы всё же приходите. Не передумаете?

– Ни за что. В девять утра будет удобно? Передник в вашем доме найдётся?

После ухода мистера Тейлора Шарлотта пролистала книгу рецептов, уточняя наличие необходимых трав в своём шкафу. Часть отыскала. Имбирь, лимонный перец и сладкую копчёную паприку нужно будет купить завтра по пути в гости. Посмотрев на апельсины, Лотти решила, не откладывая, пустить их в дело. Натёрла цедру, измельчила мякоть, замесила тесто на сливочном масле. Испекла душистые, хорошо зарумяненные кексы, наполнив дом солнечным ароматом цитруса.

И у самого долгого дня есть конец. Этот, суматошный и насыщенный событиями, тоже подошёл к концу. Он должен был бы стать её самым трудным днём в жизни, а может, и последним, но Лотти справилась. Она прожила его с утра до ночи и осталась жива благодаря поддержке и вниманию других людей. Уходящий день стоил усилий, но завтра непременно станет легче. На капельку, на крошечку, на щепотку, но легче.

Шарлотта чувствовала усталость, ныла спина. От избыт-

ка переживаний и эмоций чуть кружилась голова. «Ночная прохлада освежит меня», – подумала Лотти. Она сунула ноги в башмаки, наинула на плечи старое пальто. Перед тем, как открыть дверь и переступить порог, подумала: «А нужна ли я там? Ждёт ли меня хоть кто-нибудь вне стен этого дома?»

Конечно, нужна. Конечно, ждут. Все мы кому-то нужны. Каждому в этом мире есть место.

На дворе хозяйничала густая тьма. Пахло сыростью, опадающей листвой и холодом. Дождь прекратился, но небо по-прежнему было сплошь затянуто плотными облаками. Все звуки были приглушённые и далёкие. Гасли окна, городок готовился ко сну. А на крыльце сидела уставшая и грязная коричневая болонка.

– Этот негодяй и тебя бросил? Или сама сбежала?

Лотти присела на корточки, погладила собаку. Та уткнулась носом ей в колени, глубоко, по-человечески вздохнула и замерла.

– Впрочем, какая разница. Я в любом случае рада тебе, маленькое безгрешное создание. Но я буду ещё более рада, если ты позволишь себя как следует помыть и причесать. Завтра мы идём в гости в один приличный дом и должны выглядеть благопристойно.

Восемь месяцев спустя.

– Лотти, это то, что я думаю? Это ткань для подвенечного платья? Это правда? – воскликнула пожилая женщина. –

Мистер Тейлор сделал тебе предложение?

– Ах, Жозефина! Я всё думаю, не слишком ли я стара для замужества? Ведь мне уже тридцать.

– Невозможно быть слишком старым для того, чтобы изменить жизнь. Моя подруга вышла замуж в прошлом месяце. Ей семьдесят два, и она счастлива. Что хорошего в одиночестве?

– Не окажусь ли я слишком скучной для Дэниела? Или недостаточно красивой. Помнишь, ты называла меня бесцветной молью?

– Любая женщина прекрасна в глазах любящего мужчины. Мистер Тейлор – настоящий подарок судьбы. Как ты можешь сомневаться в его чувствах? А в себе? Дорогая, ты же всегда была бесстрашной и сильной.

– А ещё я всегда была далека от совершенства.

– Подойди ко мне, Лотти. А теперь посмотри на себя в зеркало. Ты выглядишь так, будто на тебя пролилось сияние. Блеск в твоих глазах говорит о том, что ты счастлива. Ты в самом деле изменилась. Ты другая. Ты любима и влюблена.

– Смогу ли я оправдать его надежды?

– Просто будь рядом в горе и в радости. Разделяй его участь. Просто люби. Давай-ка посмотрим, что ты тут принесла. Атлас и кружево шантильи? Великолепно! Я такое платье сошью, что все сплетницы ахнут и язык от зависти проглотят! – Жозефина загадочно улыбнулась и прошептала: – Надеюсь, вы пригласите меня на крестины вашего пер-

венца?

Шарлотта ахнула и залилась румянцем:

– Как ты догадалась? Всего лишь три недели.

– У меня глаз-алмаз. Эта чудесная новость проливает бальзам на моё сердце. Представляю, сколько восхитительных платицев и чепчиков я сошью! Обожаю эти пенные оборочки, воздушные кружевные рюши, вышитые кармачики. Примусь за дело, как только дитя появится на свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.